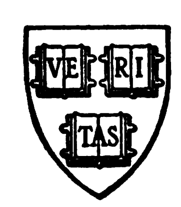

VE
RI
TAS

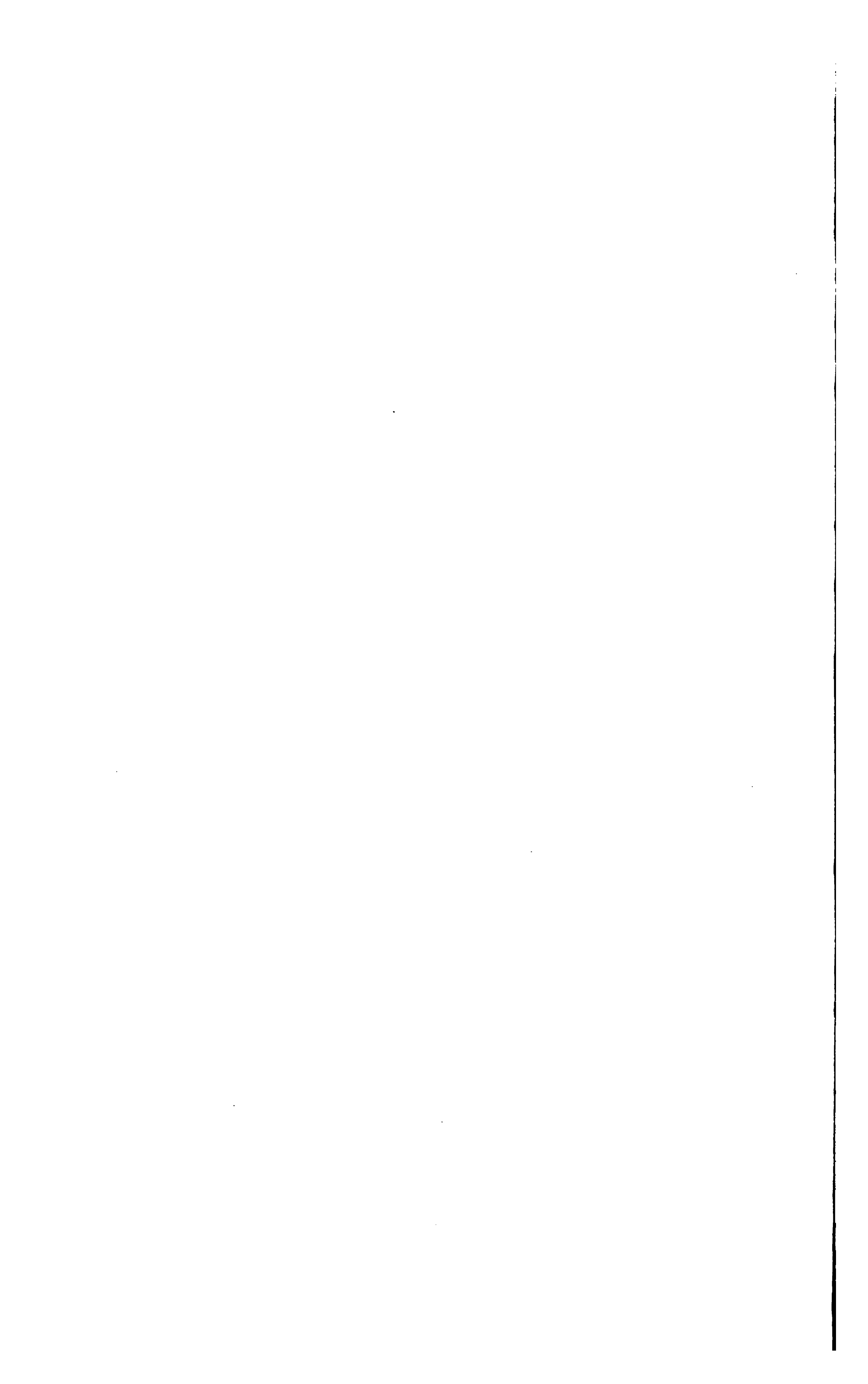
ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВѢКА.

ОПЫТЪ СТАТИСТИЧЕСКИХЪ НАБЛЮДЕНІЙ.

I—II.

(Съ приложеніемъ трехъ графическихъ таблицъ).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1901.

В. В. Сиповскій.

ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВѢКА.

ОПЫТЪ СТАТИСТИЧЕСКИХЪ НАБЛЮДЕНІЙ.

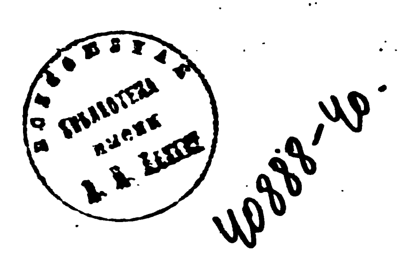
I—II.

(Съ приложеніемъ трехъ графическихъ таблицъ).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1901.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Іюнь 1901 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровин*

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словеснос
Императорской Академіи Наукъ, т. VI (1901), кн. 1, стран. 120 — 162 — 1(

Изъ исторіи русской литературы XVIII в.

(Опытъ статистическихъ наблюденій).

До сихъ поръ научное изученіе нашей библіографіи находится въ такомъ плачевномъ состояніи, что еще долго всякому, работающему на этомъ трудномъ поприщѣ, придется выпускать въ свѣтъ свои работы подъ скромнымъ знаменемъ «опыта».

Почти сто лѣтъ тому назадъ началъ Сопиковъ свой грандіозный «Опытъ россійской библіографіи»,—трудъ монументальный, не смотря на свои промахи, единственный. Работа Анастасевича исправила многіе грѣхи сопиковскаго «Опыта», но не замѣнила его. Лишь въ наши дни стала печататься капитальная работа С. А. Венгерова: «Русскія книги», работа много обѣщавшая, но остановившаяся на первыхъ буквахъ и пока не двигающаяся впередъ. Въ предисловіи почтенный составитель, жалуясь на недостатокъ у насъ библіографическихъ трудовъ, говоритъ даже объ «отчаяніи», которое овладѣвало имъ во время блужданій по непролазнымъ дебрямъ россійской литературы... И это «отчаянье» знакомо всякому, работающему въ той же области, что и г. Венгеровъ. Вотъ почему надо привѣтствовать отъ души всякую попытку бросить лучъ свѣта въ хаосъ нашей библіографіи. Недавно появилась въ свѣтъ интересная работа г. Рогожина: «Указатель къ опыту россійской библіографіи»,—по-

пытка исправить неточности и ошибки Сопикова. Эта работ
конечно, будетъ настольной у всякаго, кому приходится польз
ваться трудомъ Сопикова[1]). Г. Рогожинъ обѣщаетъ далѣе ещ
цѣлый рядъ работъ въ этомъ направленіи,—этимъ онъ, несі

1) Къ сожалѣнію, работа г. Рогожина несвободна отъ ошибокъ и корре
турныхъ опечатокъ. Для примѣра приводимъ нѣкоторыя изъ нихъ, стр.
напеч.—«Арфа», пов.—№ 2062, 2063—надо: № 2060. «Арфаксадъ»—№ 2060
надо: № 2062, 2063. На той же стран. *балетъ* «Благость увѣнчанная» обозн
чено: *баккалавръ* «Благость увѣнчанная». На стр. 6 напеч.: «Біанко»,— на
«Біанка». На стр. 10 не указ., что «Гарстлей» — трагедія; напеч. «Гигіеке» в
«Гигіене». На стр. 11 пропущено соч.: «Гражданинъ съ разсчетомъ» (Со
№ 6536); на стр. 13 напеч.: «Гуртадтъ» — надо: «Гуртадо»; напеч.: «Гусма
д' Алфаратъ»,— надо: «Гусманъ д' Альфарашъ». На стр. 14 напеч.: «Деся
повѣстей»—надо: «Десять писемъ». На стр. 39 пропущено соч.: «Доброй муж
(Соп. № 11222); на стр. 15 напеч.: «Дона Эльвира» вм. «Эльмира». На стр.
напеч.: «Дѣти горъ Волжскихъ» — вм.: «Вожскихъ». На стр. 17 пропу
«Еліана» (Соп. № 3717 и 3718); тамъ же: «Жена ревнивая», не обознач., ч
это — комедія, и напеч. № 5593 вм. № 5592; на стр. 18 напеч.: «Жизнь
приключ. герцога» — вм. «герцогини»; тамъ же: «Жизнь и прикл. Робинзо
Крузое» Трусова—напеч. подъ № 3898 вм. № 3989; на стр. 19 напеч.: «Жиз
Лаудана»—вм.: «Лаудона»; на стр. 21 напеч.: «Зеламиръ» — вм.: «Зела мир
на стр. 22. напеч.: «Зиншехль» (ош. Соп.) — вм.: «Зинтехль»; на стр. 23 напе
«Исторія о странствіи»—вм.: «странствіяхъ»; тамъ же напеч.: «Исторія о Фр
цискѣ» вм.: «Францилѣ»; на стр. 32 нап.: «Книжка (проп.: *для*) моего друга»
№ 5248 вм. 5247; на стр. 33 напеч.: «Корсиканка знатная Садина» — вм.: «С
дина»; на стр. 33 напеч.: «Куртинна» — вм.: «Куртизанна»; на стр. 34 напе
«Лаврея»—№ 12943—вм.: № 12942; «Ламентъ» № 12944—вм.: 12943; на стр.
вм.: «Луція и Меланія» — напеч.: «Луцилія»; на стр. 36 напеч.: «Любовь бе
тѣшная» — вм.: «безуспѣшная»; напеч.: «Любовь или прикл. Аблинкурта»
вм.: «Любовь увѣнчанная или..»; напеч.: «Любовь или приключ. весталки»—в
«Любовь нещастная или..»; напеч.: «Любовь или прикл. Мелентеса»—вм.: «Л
бовь несчастная или..»; на стр. 38 напеч.: «Могущество любви» № 6250—в
6260; на стр. 69 напеч.: «Похожденіе Россіянки нѣкоторой» — вм.: «Россіян
нѣкотораго»; на стр. 72 напеч.: «Приключ. Алдерхана» (ош. Соп.)—вм.: «Анд
хана»; «Прикл. Арсколана» — вм.: «Алморана»; «Прикл. Нефира» — вм.: «
фара»; на стр. 73 соединены въ одно два разныя изданія, см. «Прогуливан
(№ 9072; а № 9070 — «Прогулка»); на стр. 99 не отмѣчено собраніе соч.
нода (Соп. 12169, 13129); напеч.: «Сова»—вм. «Сава»; на стр. 101 не отмѣче
Соч. Феофана Прокоповича (Соп. №№ 12783—12796); на стр. 102 пропущ.: «С
себѣ изъвѣданный опытомъ» (Соп. № 11222); на стр. 106 напеч.: «Султанъ
запуръ»—вм.: «Мизапуфъ»; на стр. 113 напеч.: «Ученіе добродѣтельнаго»
«добродушнаго». Кромѣ того, можно было ввести въ свою работу отдѣлы
главу о пропущенныхъ Сопиковымъ книгахъ; даже Смирдинъ могъ бы въ
номъ случаѣ помочь г. Рогожину, не говоря уже о другихъ пособіяхъ.

мнѣнно, много поможетъ русскимъ историкамъ и значительно подвинетъ впередъ научную разработку русской библіографіи. Судя по тѣмъ задачамъ, которыми занялась въ послѣднее время Императорская Академія Наукъ, «Русское Общество дѣятелей печатнаго дѣла» [1]), можно надѣяться, что наступившій XX вѣкъ дастъ намъ, наконецъ, образцовую библіографію русской литературы. Въ работникахъ недостатка, вѣроятно, не будетъ, такъ какъ наше общество давно уже сознало необходимость подобныхъ трудовъ,—занятія московскаго «Библіографическаго общества» и молодого петербургскаго «Библіологическаго»,— вѣрное ручательство за успѣхъ серьезной и прочной организаціи научной разработки русской библіографіи.

Настоящая замѣтка есть результатъ желанія привести въ извѣстность русскій романъ XVIII-го столѣтія и опредѣлить его отношеніе къ другимъ литературнымъ жанрамъ того-же столѣтія. Задача, на первый взглядъ, скромная, отняла у насъ два года работы и все-таки не можетъ быть и теперь выпущена въ свѣтъ безъ того скромнаго слова «опытъ», которое должно смягчить суровость критики...

Въ основу нашей работы положены библіографическіе (рукописные) матеріалы изъ собранія В. И. Саитова, любезно предоставившаго ихъ въ наше пользованіе. Эти матеріалы нѣсколько разъ были нами провѣрены, исправлены и дополнены, какъ по трудамъ Сопикова, Анастасевича, Плавильщикова, такъ и по работамъ, болѣе позднимъ,—Геннади, Губерти, Венгерова, Березина-Ширяева, Остроглазова и др. Кромѣ того, мы просмотрѣли почти всѣ имѣющіеся въ Публичной библіотекѣ каталоги книжныхъ магазиновъ XVIII и первыхъ годовъ XIX вѣка— любопытные библіографическіе матеріалы, никѣмъ еще не ис-

---

1) См. брошюру: «Организація статист. и библіограф. работъ изъ русск. о-ва дѣятелей печатнаго дѣла». Спб., 1900.

пользованные. Изъ массы этихъ «каталоговъ», «росписей», «ре эстровъ», укажемъ на болѣе любопытные: «Роспись русских книгъ, продающихся въ книжной лавкѣ при Моск. У-тѣ» (178 1784); «Роспись кн. лавки въ домѣ Реформ. Церкви» (1788 «Роспись» кн. лавки Миллера (за 1776 и 1777 гг.); «Роспис кн. лавки Полежаева (за 1791, 1792, 1793, 1798 гг.); «Ро пись» кн. лавки Клостермана (за 1787); «Роспись» кн. лавк Акад. Наукъ (за 1794, 1800, 1814 гг.); «Роспись» кн. лавк Ив. Глазунова (за 1791, 1792, 1793, 1794, 1798, 179 1800 и 1804 гг.); «Роспись» Ступина (1811); Свѣшников (1803); «Реэстръ книжн. лавки Моск. У-та» (за 1768—1770 «Реэстръ» Клеэна (за 1778 г.); Селиванова (за 1808 г.), М твѣя Глазунова (за 1818 г.), Ивана Глазунова (за 1810 г и нѣк. др. Кромѣ перечисленныхъ пособій мы пользовались лк бопытною «Росписью книгъ, которыя разыгрывались лоттере въ Москвѣ на Лубенкѣ» (М. 1805) и «каталогами» библіоте Логинова (1837) и Академіи Наукъ (1840).

Всѣ эти «росписи» дали намъ нѣсколько любопытныхъ д ныхъ, особенно въ тѣхъ сомнительныхъ случаяхъ, когда во кало сомнѣніе въ хронологической датѣ той или иной книги, и въ существованіи того или другого изданія (повторнаго). Вс имѣвшіе въ рукахъ Сопикова и Анастасевича знаютъ, как часто противорѣчатъ они другъ другу [1]).

Составленный такъ кропотливо списокъ былъ провѣренъ дополненъ по карточнымъ каталогамъ Императорской Публи ной Библіотеки и Императорской Академіи Наукъ и по печа ному каталогу Спб. Духовной Академіи [1]).

Въ нашемъ «спискѣ романовъ и повѣстей» оказалось не ма сочиненій «сомнительныхъ», т. е. такихъ, заглавіе которых не позволяло рѣшительно внести ихъ въ нашъ списокъ. Э обстоятельство заставило насъ пересмотрѣть огромное чис

1) Указанные нами каталоги давали намъ иногда возможность увѣрить въ существованіи двухъ отдѣльныхъ изданій какой-нибудь книги и таки образомъ иногда примиряли противорѣчивыя показанія Сопикова и Смирди

изданій XVIII вѣка,—и въ результатѣ всѣхъ этихъ работъ составился у насъ списокъ, въ который вошли нѣкоторыя книги, не указанныя нашими библіографами, а также и повторныя изданія, ими не отмѣченныя.

Но рядомъ съ этими положительными сторонами нашей работы не можемъ не отмѣтить и нѣкоторыхъ недостатковъ: многихъ «сомнительныхъ» книгъ, извѣстныхъ намъ по названію, мы не нашли въ петербургскихъ книгохранилищахъ, а потому, не рѣшаясь внести ихъ въ нашъ списокъ, отбросили ихъ. Кромѣ этого обстоятельное знакомство съ состояніемъ нашихъ библіографій и книгохранилищъ привело насъ къ печальному убѣжденію, что цифры, установленныя нами, пока не могутъ считаться окончательными. Утѣшаемъ себя мыслію, что возможныя въ нашемъ спискѣ ошибки не превысятъ разряда единицъ и не коснутся десятковъ.

Большая трудность представилась намъ также при выборѣ тѣхъ произведеній, изъ которыхъ составлялся нашъ списокъ. Что такое этотъ «романъ», подсчетъ котораго былъ ближайшей цѣлью нашей работы? При рѣшеніи этого вопроса мы столкнулись съ цѣлымъ рядомъ другихъ разновидностей эпоса, порою близко подходящихъ къ роману, порою даже сливающихся съ нимъ.

Прежде всего, желая ограничить строже кругъ своихъ изысканій, мы отбросили весь стихотворный эпосъ, обратившись исключительно къ прозаическому. Вслѣдствіе этого въ нашъ подсчетъ не вошли «поэмы», «эпопеи», «басни», «были», «сказки», «ироиды», «побасочки» — разъ они были написаны размѣромъ[1]).

1) Такъ какъ въ сущности разницы между «поэмой» XVIII в. и «романомъ» нѣтъ никакой кромѣ этой чисто ф[illegible]мальной, то, разъ устранялось это внѣшнее различіе, не было никакого ос[illegible]ія отбрасывать данное произведеніе. Поэтому, въ нашъ списокъ вошли [illegible]мы», написанныя прозой или переведенныя на русскій языкъ прозой.

Изъ родственныхъ «роману» прозаическихъ эпическихъ произведеній прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе «повѣсть» и «анекдотъ». Отношеніе этихъ двухъ родовъ къ роману представляется намъ такимъ: содержаніе «анекдота»—эпизодъ, смѣшной, печальный или назидательный, фактъ интересный самъ по себѣ, стоящій внѣ всякихъ литературныхъ проблемъ. Содержаніе «повѣсти» — тотъ же эпизодъ, но освѣщенный художественными деталями, чертами изъ психологіи героя, иногда даже попыткой дать фонъ и, непремѣнно, затронуть въ читателѣ нѣчто бо́льшее, чѣмъ одно любопытство. «Романъ» XVIII в., весь вышедшій изъ «авантюрнаго», представляетъ изъ себя цѣпь отдѣльныхъ повѣстей, со всѣми ихъ вышеуказанными особенностями; часто только тожество героя связываетъ эти повѣсти въ одно цѣлое. Естественно, что въ ряду этихъ трехъ родовъ суду литературной критики подлежатъ только «романъ» и «повѣсть»; поэтому «анекдотъ» былъ нами вовсе откинутъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда онъ своимъ содержаніемъ и объемомъ (болѣе 4 страницъ) превышалъ средній типъ «анекдота»[1]).

Наконецъ, включили мы въ кругъ нашихъ изысканій «сказку», какъ искусственную («восточную», «аллегорическую», «фантастическую» и «правоучительную»), такъ и народную (въ литературной обработкѣ), такъ какъ этотъ литературный видъ сыгралъ въ исторіи русскаго романа и повѣсти немалую роль.

---

1) Подъ заглавіемъ многихъ произведеній XVIII в. въ журналахъ мы встрѣчаемъ подзаголовки: «повѣсть», «анекдотъ»,—т. е. указанія, къ какому виду литературному надо отнести данное произведеніе. Но XVIII в. не строго различалъ эти роды, иногда называя «анекдотомъ» типичную «повѣсть» и наоборотъ. Составляя нашъ списокъ, мы не руководились этими «подзаголовками», а потому не сошлись съ г. Неустроевымъ, который, руководясь ими, въ своемъ «Указателѣ къ поврем. изданіямъ» далъ подъ словами: «повѣсть», «анекдотъ»—обстоятельный перечень произведеній, по существу иногда не подходящихъ къ этимъ родамъ.

1.

«Изящная» литература Петровской печати не представляетъ для историка особеннаго интереса. Судя по работамъ академиковъ П. Пекарскаго [1]) и Аѳ. Ѳ. Бычкова [2]) все то, что тогда появлялось въ печати, мало должно было затрогивать эстетическое чувство читателя. Длинная цѣпь изданій анекдотовъ [3]) («Апоѳѳегмата»), исторіи о взятіи Трои [4]), Іерусалима [5]), исторіи объ Александрѣ Македонскомъ [6]), басенъ Эзопа [7]) и нѣсколько

---

1) П. Пекарскій, «Наука и Литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ», II, Спб. 1862.

2) Аѳ. Бычковъ, «Каталогъ хранящимся въ Имп. Публичной Библіотекѣ изданіямъ напечатаннымъ гражданскимъ шрифтомъ при Петрѣ Великомъ» Спб. 1867.

3) «Краткихъ, витіеватыхъ и нравоучительныхъ повѣстей книгі трі...» М. *1711* (Пек. № 206; Бычк. № 33); слѣд. изд. подъ титуломъ: «Апоѳѳегмата то есть краткихъ и нравоучительныхъ рѣчей книги три ..» М. *1712* (Пек. № 220; Бычк. № 38); Спб. *1716* (Пек. № 310; Бычк. № 65; Соп. № 2001); М. *1716* (Пек. № 322; Бычк. № 73); Спб. *1723* (Пек. № 547; Бычк. № 168); *послѣ Петра* были слѣд. изданія этой книги: Спб. *1745* (Соп. № 2003; Генн. т. I, стр. 40 «Спр. слов.»; Губ. III № 53; Имп. П. Б.); Спб. *1765* (Библ. Дух. Ак. № 180. Имп. П. Б.); Спб. *1781* (Р. р. к. Ак. Н. 1794 г.: Реестръ Глаз. 1807; Имп. П. Б.).

4) «Історіа въ неі же пішетъ о разореніі града Троі...» М. *1709* (Пек. № 156; Бычк. № 11; Соп. № 4835); М. *1712* (Пек. № 223; Бычк. № 40; Соп. № 4836); Спб. *1717* (Пек. № 344; Бычк. № 82; Соп. № 4837). *Послѣ Петра*: Спб. *1745* (Губ., I, № 53; Имп. П. Б.), Спб. *1760* (Соп. № 12917; Имп. П. Б.); Спб. *1765* Соп. № 12918; Имп. П. Б.); Спб. *1791* (Соп. № 4839; Имп. П. Б.); М. *1791—2*, (Соп. № 4840. Реестръ Селив. № 1632; Р. кн. пр. при Ак. Н. 1814); М. *1799* (Соп. № 4841; Реестръ Глаз. 1807; Р. Глаз. 1802).

5) «Історіа о раззореніи послѣднемъ Святаго Града Іерусалима...» М. *1713* (Пек. № 232; Библ. Дух. Ак. № 11); Спб. *1716* (Пек. № 319; Бычк. № 69); Спб. *1723* (Пек. № 541; Бычк. № 164); *послѣ Петра*: Спб. *1765* (Библ. Дух. Ак. № 179, Имп. П. Б.); Спб. *1769* (Имп. П. Б.) Спб. *1773* (Соп. № 4845); Спб. *1775* (Соп. № 4846); Спб. *1780* (Имп. П. Б.) Спб. *1788* (Соп. № 4847—1787; Р. Глаз. 1802—1788); Реестръ Глаз. 1807—1788 Имп. П. Б.—1788); Спб. *1793* (Соп. № 4848); М. *1795* (Соп. № 4849; Моск. Вѣд. 1799, № 19).

6) «Кніга Квінта Курціа о дѣлахъ содѣяныхъ Александра великаго...» М. *1709* (Пек. № 158; Бычк. № 13); М. *1711* (Бычк. № 36); М. *1717* (Соп. № 4800); Спб. *1724* (Пек. № 580; Бычк. № 198); *послѣ Петра*: Спб. *1750—1* (Соп. № 4801. Имп. П. Б.); Спб. *1767—8* (Соп. № 4802; Библ. Дух. Ак. № 218; Имп. П. Б.); Спб. *1775* (Соп. № 4803); Спб. *1787—8* (Имп. П. Б. Соп. № 4804—1788); Спб. *1793—4* (См. № 3266. Имп. П. Б.); Спб. *1800—1801* (Соп. № 4805, См. № 3266). Съ 1750 г. «Исторія объ Александрѣ В.» въ новомъ переводѣ (Ст. Крашенинникова).

7) «Притчи Эссоповы...» Амстердамъ. *1700* (Пек. № 28), М. *1711* (Пек. № 221); М. *1712* (Бычк. № 39); Спб. *1713* (Соп. № 9054), Спб. *1717* (Пек. № 342;

изданій «библіотеки» Аполлодора [1]), метаморфозъ Овидія [2]), — вотъ тѣ книги, которыми исчерпывается тогдашняя *печатная* «изящная» литература. Конечно, за этой бѣдной, такъ сказать, «оффиціальной» литературой жила полною жизнью богатая рукописная [3]), еще процвѣтала полная силъ народная поэзія, — но ни та, ни другая въ печать не проникали и этимъ самымъ не завоевали себѣ никакого оффиціальнаго положенія.

Послѣ Петра Великаго характеръ русской печатной литературы мало мѣнялся въ теченіе цѣлаго ряда годовъ: число литературныхъ произведеній за годъ [4]) до 1759 года колебалось въ предѣлахъ двухъ первыхъ десятковъ, — только въ 1744 году число названій за годъ достигаетъ 24-хъ:

1725—13; 1726—5; 1727—5; 1728—11; 1729—5; 1730—7; 1731—9; 1732—6; 1733—17; 1734—21; 1735—17; 1736—14; 1737—12; 1738—9; 1739—21; 1740—14; 1741—8; 1742—22; 1743—12; 1744—24; 1745—20; 1746—10; 1747—11; 1748—16; 1749—15; 1750—11; 1751—19; 1752—10; 1753—9; 1754—11; 1755—15; 1756—20.

Самое колебаніе этихъ цифръ, быстрые подъемы (напр., 1732—1733 гг.; 1738—1739 гг.; 1741—1742 гг.) и такія

Бычк. № 81); *послѣ Петра*: Спб. *1747* (Соп. № 2113; Имп. П. Б.); Спб. *1760* (Соп. № 2114); Спб. *1762* (Соп. № 2115); Спб. *1775* (Соп. № 2116); М. *1792* (Соп. № 2118; Имп. П. Б.); М. *1796* (Соп. № 2120).

1) «Аполлодора... библіотеки или о богахъ...» М. *1725* (Пек. № 590; Бычк. № 205; Соп. № 1998); М. *1787* (Соп. № 1999. Имп. П. Б.).

2) «Овідіевы фигуры...» *1721* (Пек. № 486; Бычк. № 140; Соп. № 7002); Спб. *1768* (Имп. П. Б.); Спб. *1772* (Соп. 7005; Имп. П. Б.); Спб. *1775* (?) (Соп. № 7004) М. *1794* (Соп. № 7006; Имп. П. Б.).

3) На основаніи рукописей можно доказать, что эта письменная литература жила въ теченіе всего XVIII в. и захватила даже XIX. (См. А. Н. Пыпина. «Для любителей книжной старины» М. 1888. (Доп. въ «Сб. О-ва Любит. Росс. Слов.» на 1891).

4) См. прилож.—линію А на сравнительной и графической таблицахъ.

же паденія (напр., 1740—1741 гг.; 1742—1743 гг.; 1745—1746 гг.) указываютъ на случайность этихъ цифръ[1]), еще не поддающихся правильной эволюціи. Подобно тому, какъ при Петрѣ, такъ и въ это время главная часть книгъ, вышедшихъ за этотъ періодъ, падаетъ на оффиціальныя изданія (указы, инструкціи и т. п.). Изъ беллетристическихъ произведеній исключительное, господство принадлежитъ «одѣ» (роду, впрочемъ, тоже почти оффиціальному). Кромѣ того, было напечатано нѣсколько драматическихъ произведеній.

Число беллетристическихъ сочиненій за эти годы[2]) составлялось не менѣе случайно:

1725—1; 1727—1; 1730—2; 1733—13 [3]); 1734—16[3]); 1735—4; 1736—6; 1737—3; 1738—3; 1740—1; 1742—4; 1744—4; 1745—4; 1746—3; 1747—5; 1748—4; 1750—5; 1751—10; 1752—5; 1754—4; 1755—3; 1756—4.

Изъ этого подсчета мы видимъ, что цѣлый рядъ годовъ совсѣмъ не далъ ни одного произведенія (гг. 1726, 1728, 1729, 1731, 1732, 1739, 1741, 1743, 1749, 1753); рядъ другихъ годовъ далъ странное повышеніе цифръ, затѣмъ паденіе до полнаго уничтоженія.

---

1) Эти цифры могли, напримѣръ, зависѣть отъ работы типографій,— отъ ихъ числа, отъ большей или меньшей интенсивности ихъ дѣятельности. Вотъ почему пока мы не будемъ имѣть обстоятельной исторіи русскихъ типографій XVIII в. (о петровскихъ типографіяхъ см. работу П. Пекарскаго: «Извѣстія о типографіяхъ XVIII столѣтія...» въ его изслѣдованіи: «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В.», т. II), мы не сможемъ точно объяснить нѣкоторыхъ цифръ. Приводимъ, тѣмъ не менѣе, нѣкоторые факты, играющіе особенную роль въ исторіи русскихъ типографій, а слѣдовательно и русской книги. Послѣ Петра его типографіи стали закрываться одна за другою и въ 1728 г. былъ данъ указъ о существованіи въ С.-Петербургѣ только двухъ типографій (сенатской и академической). (Ѳ. И. Булгаковъ, «Иллюстрир. исторія книгопечат. и типографскаго искусства», т. I).

2) См. Приложенія—*Линія В* на сравнит. и граф. таблицахъ.

3) Подъемъ объясн. перев. либретто ит. ком. (См. нашу замѣтку въ «Русск. Ст.» 1900, № 6, 593).

Конецъ царствованія Елизаветы (2-ая половина 50-хъ годовъ) далъ рядъ цифръ, которыя твердо повышаются[1].

1757—25; 1758—21; 1759—35; 1760—38; 1761—46.

За этотъ же періодъ времени и беллетристика высшей цифры достигаетъ сравнительно со всѣми предшествовавшими годами:

1757—12; 1758—6; 1759—14; 1760—11; 1761—19.

Можно заключить отсюда, что съ этихъ годовъ кончился подготовительный періодъ русской литературы, и она вступила на болѣе вѣрный путь постепеннаго роста, при которомъ колебанія зависятъ уже не отъ случайныхъ обстоятельствъ, а отъ болѣе важныхъ историческихъ причинъ.

Царствованіе Екатерины—самая блестящая эпоха въ исторіи русской литературы XVIII в.,—цифры доказываютъ это съ неопровержимою ясностью. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ вступленія ея на престолъ, съ того же 1762 года число вышедшихъ въ свѣтъ сочиненій сразу удвоивается (1761—46; 1762—95); и затѣмъ идетъ постепенный ростъ числа, причемъ мы имѣемъ дѣло уже не съ десятками, а съ сотнями названій[2]):

1762—95; 1763—109; 1764—108; 1765—160; 1766—120; 1767—80; 1768—105; 1769—116;

1) При Елизаветѣ число типографій увеличивается. Въ 1756 году открыта типографія при Моск. Унив.; въ 1757 году при Шляхетномъ Сухопутномъ Корпусѣ; въ 1758-мъ году открыта *вторая* типографія при Академіи Наукъ спеціально для печатанія беллетристики (Булгаковъ, тамъ-же).

2) Исторія типографій при Екатеринѣ очень любопытна. Въ 1763 году была открыта типографія Военной коллегіи; въ 1764—въ Астрахани и Сенатская въ Москвѣ; въ 1769 г.—первая вольная Гартунга въ Спб. Въ 1771 г. учреждено «Вольное россійское собраніе» съ цѣлями распространенія книгъ. Въ 1772 г. открыта типографія Вейтбрехта; въ 1773 г. Императрица учредила «Собраніе, старающееся о переводѣ иностранныхъ книгъ на росс. языкъ (частныя о-ва съ тѣми же цѣлями: «Общество, старающееся о печатаніи книгъ»; «Общество, состоящее изъ нѣсколькихъ лицъ»). Въ 1775 г.—открыта типографія при Бергъ-Коллегіи и Горномъ корпусѣ; въ 1776 г.—типографія Шнора. Въ

1770—111; 1771— 92; 1772— 90; 1773—135;
1774—156; 1775—160, 1776—116; 1777—132;
1778—159; 1779—209; 1780—217; 1781—208;
1782—194; 1783—198; 1784—203; 1785—183;
1786—271; 1787—387; 1788—439; 1789—339;
1790—263; 1791—321; 1792—326; 1793—315;
1794—275; 1795—257; 1796—256; 1797—165.

Въ этомъ длинномъ рядѣ цифръ можно видѣть: 1) постепенное повышеніе до 1788 года, повышеніе, прерываемое временными паденіями (годы 1767, 1771, 1772, 1776, 1782, 1785), и 2) постепенное паденіе, начиная съ 1788 г. до 1797 года. Правда, встрѣчаемъ здѣсь рядъ паденій, не поддающихся пока объясненію (1766 г. — 120; 1767 г. — 80; 1770 г. — 111; 1771 г. — 92; 1775 г. — 160; 1776 г. — 116; 1784—203; 1785—183), но за то мы имѣемъ драгоцѣнный для историка рядъ цифръ, — начиная съ 1785 г. до конца царствованія Екатерины, — цифръ, показывающихъ, какъ чуткій барометръ, тѣ настроенія, которыми жило русское общество, къ 80-ымъ годамъ настолько окрѣпшее въ своемъ духовномъ ростѣ, что инииціатива общественной жизни начинаетъ переходить въ среду самого общества. Вторая половина царствованія Екатерины

1783 г. указъ о вольныхъ типографіяхъ вызвалъ усиленное открытіе ихъ въ разнымъ городахъ. Въ Спб. были открыты типографіи: Брейткопфа, Вильковскаго, Река, П. Богдановича, Крылова, Мейера; въ Москвѣ — Гиппіусъ, Пономарева, Анненкова, Зеленникова, Лопухина, Новикова, «Типографской Компаніи, Рѣшетникова и Селивановскаго; въ с. Казинкѣ (Тамб. губ., Козловск. у.) въ имѣніи Рахманинова; въ с. Рузаевкѣ (Пензенск. губ., Инсарск. уѣзда) у Струйскаго; въ с. Пехлецѣ (Рязанск. губ., Ряжск. уѣзда); въ посадѣ Клинцы (Черниг. губ., Суражск. уѣзда). Дубровскій, секретарь русскаго посольства въ Парижѣ завелъ домашнюю типографію. Казенныя типографіи были открыты при губернскихъ правленіяхъ въ Тамбовѣ, Калугѣ, Тулѣ, Харьковѣ, Смоленскѣ, Воронежѣ, Тобольскѣ. За время царствованія Екатерины, конечно, самыми знаменательными являются года: 1779—Новиковъ беретъ въ аренду типографію Моск. У-та; 1783—указъ о вольныхъ типографіяхъ—открытіе типографій Новикова и Лопухина; 1784—основаніе «Типографской Компаніи»; съ 1785 г.—рядъ стѣсненій Новикову; 1791—паденіе Новиковскаго дѣла; 1796—указъ о закрытіи вольныхъ типографій.

была, въ этомъ отношеніи, эпохой очень интересной: императрицѣ удалось вызвать жизнь въ дремавшей душѣ русскаго народа, — и вотъ статистика книгъ показываетъ ясно, что ея труды не остались втунѣ. Правда, Екатерина уже съ 80-хъ годовъ стала сдерживать проснувшуюся самодѣятельность русской жизни, но общество еще не замѣчало реакціи. Послѣ указовъ 1771, 1776 и особенно 1783 г. (Указъ о свободномъ открытіи типографій), русская книга стала рости въ числѣ очень замѣтно:

1785—183; 1786—271; 1787—387; 1788—439.

Передъ нами ростъ чиселъ очень энергичный, выражающійся уже въ сотняхъ, а не въ единицахъ и десяткахъ!

Надвигается гроза французской революціи. Мрачнѣе дѣлается по всей Европѣ—Екатерина тревожно смотритъ на свою Россію, еще озаренную либеральными лучами ея вѣнца, — и число книгъ вдругъ падаетъ на сотню, потомъ еще на сотню:

1788—439; 1789—339; 1790—263.

Проносится гроза революціи, — русская книга опять какъ будто оживляется:

1791—321; 1792—326; 1793—315.

Но Екатерина уже не та: она напугана далекими раскатами грома,—и стѣсняетъ свободу мысли въ своемъ царствѣ,—рядъ оффиціальныхъ указовъ и неоффиціальныхъ повелѣній, сожженіе книгъ, разгромъ новиковскаго дѣла, исторія Радищева и Княжнина, гоненіе на разныхъ книгопродавцевъ, наконецъ, заключительная суровая мѣра — указъ 1796 года о закрытіи всѣхъ вольныхъ типографій,—все это быстро ведетъ къ постепенному паденію книги:

1794—275; 1795—257; 1796—256; 1797—165.

Вступленіе на престолъ Павла, драконовскія мѣры противъ книги, повидимому, не могли создать благопріятныхъ условій для жизни литературной, но, съ другой стороны, почти полное

прекращеніе привоза книгъ изъ-за границы должно было благопріятно отозваться на русскомъ книжномъ производствѣ[1]). И, дѣйствительно, число книгъ вновь поднимается:

1797—165; 1798—239; 1799—268; 1800—238.

Начало новаго вѣка застаетъ русскую книгу въ какомъ-то угнетенномъ состояніи, съ признаками жизни и силы, но значительно ослабленной тяжелыми условіями конца XVIII вѣка.

Еще поучительнѣе въ этомъ отношеніи тѣ цифры, которыя показываютъ погодный ростъ *беллетристическихъ* произведеній. Беллетристика, въ XVIII вѣкѣ присвоившая себѣ роль руководительницы жизни, была особенно воспріимчива къ тѣмъ вліяніямъ, которыя тяготѣли надъ этой жизнью. Насколько велико было значеніе этой литературы для русскаго общества XVIII вѣка, видно напр. изъ того, что процентное отношеніе произведеній изящной литературы къ общему числу всѣхъ сочиненій колебалось по годамъ отъ 30% до 50%, слѣдовательно, беллетристика составляла почти половину всѣхъ выходившихъ по годамъ сочиненій. Если бы мы были въ состояніи сопоставить число печатныхъ листовъ, приходящееся на долю изящной словесности, съ общимъ числомъ листовъ всей литературы за эти годы,— мы увидѣли бы, что эти 30%—50% значительно возросли бы, такъ какъ изящная литература выставила бы многотомные романы, длинныя повѣсти, поэмы, комедіи, трагедіи и драмы— противъ разныхъ оффиціальныхъ изданій, азбукъ, грамматикъ, церковныхъ поученій, часто небольшихъ по объему и занимающихъ мѣсто въ нашемъ подсчетѣ только своимъ названіемъ.

1) См. подробнѣе въ моей работѣ: «Изъ прошлаго русской цензуры». «Р. Стар.» 1899, № 3 — 4; также въ изслѣдованіи: «Н. М. Карамзинъ», стр. 551 — 559.

Число беллетристическихъ сочиненій въ царствованіе Екатерины выразилось въ слѣдующихъ цифрахъ:

1762— 43; 1763— 55; 1764— 52; 1765— 48;
1766— 40; 1767— 24; 1768— 34; 1769— 50;
1770— 39; 1771— 23; 1772— 24; 1773— 48;
1774— 70; 1775— 56; 1776— 32; 1777— 54;
1778— 57; 1779— 93; 1780—105; 1781—102;
1782— 89; 1783— 79; 1784— 56; 1785— 66;
1786—112; 1787—163; 1788—248; 1789—148;
1790—125; 1791—147; 1792—141; 1793—150;
1794—122; 1795—107; 1796—100; 1797— 56.

Въ этомъ рядѣ цифръ мы видимъ полное совпаденіе съ колебаніями общаго числа произведеній за эти же года. Такъ въ первый годъ царствованія Екатерины изящная литература удвоиваетъ свое число: 1761 г.—19; 1762 г.—43. Затѣмъ мы наблюдаемъ довольно быстрыя и пока необъяснимыя паденія въ 1767, 1771, 1776 гг. и др. (1766—40; 1767—24; 1770—39; 1771—23; 1775—56; 1776—32).

Такими же поучительными представляются намъ цифры за 1785—1797 года:

1785— 66; 1786—112; 1787—163; 1788—248;
1789—148; 1790—125; 1791—147; 1792—141;
1793—150; 1794—122; 1795—107; 1796—100;
1797—56.

Передъ нами, прежде всего, замѣчательный ростъ въ годы: 1785—88, въ процентномъ отношеніи выраженный даже болѣе рѣзко, чѣмъ подъемъ общаго числа произведеній; затѣмъ съ 1789 года начинается быстрое паденіе, выраженное, впрочемъ, еще рѣзче,—и, въ заключеніе, 1797 годъ съ числомъ 56, т. е. числомъ, приблизительно совпадающимъ съ количествомъ сочиненій 1762 года.

Царствованіе имп. Павла, болѣе тяжелое для беллетристики,

чѣмъ для другихъ видовъ литературы, выразилось поэтому въ очень скудныхъ цифрахъ, ни разу не достигающихъ сотни.

1797—56; 1798—92; 1799—96; 1800—86.

Если мы къ суммѣ полученныхъ цифръ прибавимъ 553 сочиненія, хронологическая дата которыхъ точно не выяснена, то общее число сочиненій, вышедшихъ съ 1725 г. по 1800, будетъ равняться 8952[1]). Прибавивъ къ суммѣ беллетристическихъ сочиненій 192 безъ хронологической даты, получимъ 3591[2])—т. е. 40,11% общаго числа, процентъ очень высокій, особенно, повторяемъ, если принять во вниманіе бо́льшій объемъ беллетристическихъ сочиненій.

Переводный «романъ» XVIII в., при своемъ появленіи у насъ, встрѣтилъ не мало враговъ, главнымъ образомъ, среди русскихъ людей стараго закала. Недаромъ одна читательница журнала «Что-нибудь» жаловалась на своего «батюшку», человѣка «стараго и притомъ набожнаго», который заставляетъ ее читать только «священное, какъ то Чети-Минеи, Соломоновы премудрости и Феофановы проповѣди», а «другихъ свѣтскихъ книгъ, напримѣръ, романовъ и другихъ забавныхъ исторій не велитъ и въ руки брать»[3]). Выручали ее, впрочемъ, пріятельницы, которыя тайкомъ отъ суроваго батюшки доставляли запрещенныя книги.

Кромѣ книгъ «религіозныхъ» встрѣтилъ новый романъ противника въ лицѣ стараго рукописнаго романа XVII—XVIII в.,

1) Итакъ, это число составилось изъ подсчета названій всѣхъ сочиненій за указанный періодъ времени, т. е., сверхъ беллетристическихъ сочиненій, вошли сюда указы, инструкціи, законоположенія, азбуки, грамматики, уставы, житія, церковныя слова, историческія сочиненія, медицинскія, географическія, нравоучительныя, лексиконы, гадательныя книги и пр.

2) Въ это число вошли романы, повѣсти, собранія анекдотовъ, поэмы, басни, идилліи, оды, собранія пѣсенъ, дѣтскія повѣсти, комедіи, трагедіи, драмы, оперы.

3) «Что-нибудь», 1780, № 5.

притомъ противника болѣе могучаго, чѣмъ «священныя» книги. А. Н. Пыпинъ въ цѣнномъ очеркѣ своемъ: «Для любителей книжной старины», характеризуя этотъ романъ, указалъ болѣе ста произведеній, ходившихъ по рукамъ въ рукописи. Вся Петровская эпоха жила этими произведеніями; онѣ переходятъ и въ глубь XVIII в., живутъ въ теченіе его и XIX вѣка вплоть до нашихъ дней, расходясь во множествѣ въ лубочныхъ изданіяхъ. За небольшимъ исключеніемъ этотъ рукописный романъ отличается большимъ консерватизмомъ: въ то время, какъ въ теченіе двухъ вѣковъ печатный романъ переживалъ цѣлый рядъ вліяній, мѣнялъ свою форму и содержаніе до неузнаваемости,— рукописный романъ, подобно народной сказкѣ, почти не подвергался колебаніямъ и перемѣнамъ.

Литераторы XVIII в. относились къ этому популярному роману съ бо̀льшимъ или меньшимъ презрѣніемъ, но должны были съ нимъ считаться, такъ какъ новомодный литературный романъ не всегда могъ преодолѣть своего предшественника, завоевавшаго опредѣленное положеніе въ русскомъ читающемъ обществѣ. Въ «Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова» встрѣчаемъ, напримѣръ, очень любопытный разсказъ объ одномъ любителѣ чтенія XVIII в., который внимательно слѣдилъ за книжными новинками, ихъ тщательно скупалъ и составилъ библіотеку, извѣстную всему городу, но, оказывается онъ, хотя и имѣлъ «превеликую библіотеку, никогда книгъ не читалъ, кромѣ какъ: *Шемякинъ судъ*, *Бову Королевича*, *Палкана*, *Златыхъ Ключей* и имъ подобныхъ: таковыя книги хранятся у него съ превеликимъ тщаніемъ и каждый по два экземпляра, одинъ для украшенія библіотеки, другой лежитъ въ кабинетѣ на столикѣ для всегдашняго употребленія... Прочія же, хорошія, стоятъ у него въ шкафу, въ богатомъ переплетѣ съ золотыми обрѣзами и съ надписаніемъ его имени»[1]). Впрочемъ изрѣдка мы услышимъ и отъ литераторовъ XVIII в. нѣсколько словъ въ защиту рукописнаго

1) «Собесѣдникъ люб. росс. слова», вторымъ тисненіемъ. Спб. 1809, часть XVI, стр. 61.

романа,—такъ одинъ критикъ, нападающій на сочиненіе «господина К*», сравниваетъ разбираемое сочиненіе съ Бовой, называя его «двоюродной сестрой Бовы Королевича», такъ какъ содержаніе въ обоихъ фантастическое,—разница только та, что «въ Бовѣ Королевичѣ нѣтъ такихъ неблагопристойностей и слуху противныхъ выраженій, какими исполненъ К*»...[1])

По журналамъ XVIII в. мы можемъ составить списокъ наиболѣе «популярныхъ» романовъ, ходившихъ въ рукописи. Такъ одинъ изъ сотрудниковъ журнала: «И то и сіё», говоря о своемъ литературномъ образованіи, заявляетъ иронически, что «набрался разума, чистаго слога, изрядныхъ замысловъ и удивительнаго къ исторіи расположенія» изъ книгъ: «О побѣгѣ изъ пушкарскихъ улицъ бѣлаго пѣтуха отъ курицъ», «О Фролѣ Скобѣевѣ» и «Азіатская Баниза»[2]). Въ томъ же журналѣ встрѣчаемъ разсказъ объ одномъ приказномъ, который промышлялъ только переписываньемъ романовъ: «...по прекращеніи приказной службы кормитъ онъ голову свою переписываньемъ разныхъ исторій, которыя продаются на рынкѣ, какъ то, напримѣръ: Бову Королевича, Петра Златыхъ Ключей, Еруслана Лазаревича, о Францѣ Венеціанинѣ, о Геріонѣ, о Евдонѣ и Бирфѣ, о Арсасѣ и Размѣрѣ, о Россійскомъ дворянинѣ Александрѣ, о Фролѣ Скобѣевѣ, о Барбосѣ Разбойникѣ и прочія весьма полезныя исторіи, и сказывалъ онъ мнѣ, что уже 40 разъ переписалъ исторію Бовы Королевича, ибо на оную бываетъ больше походу нежели на другія такія драматическія сочиненія» [3]).

Такъ же свысока смотрѣли присяжные литераторы XVIII в. на народную сказку, въ литературной обработкѣ проникшую въ литературу. Правда, поэзіи въ ней многіе не отвергали,—

---

1) «Адск. Почта». Л. 33.

2) «И то и сіё», л. 46.

3) «И то и сіё», л. 10. Въ неизданной рукописи А. Болотова (Имп. П. Б.). «Забавы живущаго въ деревнѣ» встрѣчается разсказъ, какъ юноша отъ народныхъ сказокъ перешелъ къ рукописнымъ романамъ и самъ увлекался переписываніемъ ихъ.

одинъ изъ любителей ея даже доказывалъ, что въ древности на Руси были поэты[1]). Но не смотря на свои симпатіи къ народной поэзіи критика все-таки относилась къ ней съ псевдо-классическимъ аристократизмомъ: разбирая «русскія сказки, содержащія древнѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ», критикъ, вообще сочувствующій изданію, замѣчаетъ однако: «изъ приведенныхъ издателемъ новыхъ сказокъ, нѣкоторыя: какъ-то о ворѣ Тимохѣ, цыганѣ и проч. съ большею для сей книги выгодою могли бы быть оставлены для самыхъ простыхъ харчевень и питейныхъ домовъ, ибо всякій замысловатый мужикъ безъ труда подобныхъ десятокъ выдумать можетъ, которыя ежели всѣ печати предавать, жаль будетъ бумаги, перьевъ, чернилъ и типографскихъ литеръ, не упоминая о трудѣ господъ писателей»[2]).

И рукописный романъ, и народная сказка, повторяемъ, уступили мѣсто новому роману, частью даже слились съ нимъ, въ видѣ литературныхъ обработокъ, въ огромномъ же большинствѣ случаевъ продолжали обособленное существованіе въ низшихъ слояхъ русскаго общества. Новый литературный романъ вскорѣ завоевалъ русское общество. По отзывамъ современниковъ, «цѣлыя библіотеки» составлялись изъ «великаго множества книгъ, наполненыхъ любовію»[3]); «романовъ столько умножилось,—говоритъ Сумароковъ,—что изъ нихъ можно составить половину библіотеки цѣлаго свѣта[4]). «Неисчетное почти число романовъ

1) «Растущій Виноградъ», 1786. т. IV, № 6, 58: ...тогда въ Россіи иной сочинялъ о храбрыхъ рыцарахъ чудесныя повѣствованія, которыя въ русскомъ языкѣ не назывались поэмами, а просто сказками, другой пѣлъ великолѣпіе двора князя Владиміра; иной святочныя и другія забавы украсилъ приличными пѣснями; другой въ разныхъ распѣвахъ любовницу свою, уподобляя красному солнышку, бѣлой лебѣдушкѣ, сизой голубушкѣ, краснинькой вишенькѣ, наливному яблочку и пр.»

2) «Спб. Вѣстникъ», VII ч., 293.

3) «Пок. Трудолюб.», 1784, II, 184; «Романы, басенки, исторійки составляютъ большую часть библіотекъ нашихъ» (Изъ ненад. рукописи А. Болотова, «Забавы живущаго въ деревнѣ», Имп. П. Б-ки, л. 20).

4) «Труд. Пчела», 1759, № 6, 374.

является ежедневно на европейскій Парнасъ»[1]) — замѣчаетъ одинъ критикъ,—«надъ сочиненіемъ романовъ упражнялись головы почти всѣхъ нашихъ стихотворцевъ и успѣли обратить на себя вниманіе всей читающей Публики»[2]); по словамъ Новикова, было у насъ въ XVIII в. такое время, когда «печатались одни только Романы и Сказки» и ихъ «покупали очень много»[3]).

Популярность этого романа создала уже въ XVIII в. особенный типъ «чтеца романовъ»: вѣроятно такихъ воспитанниковъ романической литературы было не мало, если даже въ литературѣ эти «типы» обрисованы довольно рельефно. Вотъ передъ нами, напримѣръ, Простъ — «онъ очень печаленъ, идетъ потупя голову и нахмуря глаза въ превеликой задумчивости: Бѣднякъ сей въ нашемъ вѣкѣ ищетъ Лукрецію, нигдѣ не находитъ и о томъ сходитъ съ ума. Онъ чрезвычайно влюбленъ въ постоянство романическихъ героинь»[4]). Другой герой «въ юныхъ лѣтахъ читалъ премножество любовныхъ романовъ и набилъ ими свою голову»[5]), и — въ результатѣ вся жизнь его сплошной любовный бредъ. Ограничиваясь этими примѣрами, остановимся на двухъ признаніяхъ людей XVIII вѣка, любителей романовъ. Одинъ изъ нихъ, въ припадкѣ меланхоліи, безпричинной тоски, уходитъ отъ людей «въ свою тихую уединенную комнату»— «шкапъ мой съ книгами,—говоритъ онъ,—и столъ съ бумагами начали по немногу облегчать тягость души моей»...[6]) Имѣемъ мы еще очень характерное «Благодареніе г. Фельдингу» (Фильдингу), въ которомъ русскій поклонникъ англійскаго романиста разражается по его адресу цѣлымъ рядомъ восторженныхъ восклицаній. Оказывается, онъ «преданъ» Фильдингу, «какъ благодѣтелю, какъ другу»[7]); одного изъ героевъ Фильдинга онъ

1) «Аврора», 1809, I, 33.
2) Тамъ же, 31.
3) «Живописецъ», 32.
4) «Трутень», 171—2.
5) Тамъ-же, 227.
6) «Иппокрена», 1799, I, 307.
7) «Зеркало Свѣта», 1786, II, 229.

любить, какъ отца»[1]). «Я люблю тебя болѣе всѣхъ моихъ пріятелей»[2])—восклицаетъ онъ. Послѣ чтенія романовъ Фильдинга міръ дѣйствительный предсталъ предъ этимъ восторженнымъ поклонникомъ Фильдинга во всей полнотѣ: «вездѣ прибытокъ, тщеславіе, лицемѣріе или легкомысленность: вездѣ Блифили* (* Дѣйствующее лицо въ «Томасѣ Іонесѣ», представляющее лицемѣрный порокъ). Въ тебѣ одномъ, о Фильдингъ, мню я находить истиннаго друга!»[3])

Изъ романовъ люди XVIII в. заимствовали моды[4]), наряжаясь любимыми героями и героинями; любовники говорили «страстныя рѣчи, вытверженныя изъ романовъ»[5]); оттуда почерпали знанія жизни: «чтобы сдѣлаться разумными, намъ больше не надобно, какъ прочесть нѣсколько французскихъ романовъ»[6])— замѣчаетъ одинъ изъ литераторовъ XVIII вѣка.

Немудрено, что громадное значеніе романа, какъ культурной силы, было замѣчено многими; немудрено, что вопросъ о томъ, благотворно ли было вліяніе этой силы, возбуждался не разъ въ литературѣ XVIII в.: «Многіе между учеными людьми были споры, о пользѣ и вредѣ вымышленныхъ повѣстей или романовъ, особливо о любовныхъ и тѣхъ, которыя, удаляясь отъ натуры, представляютъ людей, вещи и происшествія гораздо инако, какъ они на нашемъ подсолнечномъ свѣтѣ быть и случиться могутъ. Правда, что романы вообще много способствовали внушить охоту къ чтенію книгъ. Правда, что хорошіе романы, способствуя къ познанію тайностей человѣческаго сердца, вселяя въ насъ человѣколюбіе, почтеніе и любовь къ добродѣтели и отвращеніе отъ пороковъ и проч. много сдѣлали

---

1) Тамъ-же, 230.
2) Тамъ-же 232.
3) Тамъ-же, 231.
4) «Сатир. Вѣстникъ», ч. V, 53.
5) «Смѣсь», 1769, л. 22, 184. Ср. въ моей статьѣ: «Онѣгинъ, Татьяна, Ленскій». 1899. Перечислено нѣсколько русскихъ женщинъ XVIII—XIX в., воспитанныхъ на романѣ (стр. 5—11).
6) «Своб. Часы», 1763, № 1, 61.

добра. Правда, что сіи сочиненія могутъ быть подобны цвѣтамъ, съ которыхъ пчела собираетъ медъ, а гнусный паукъ ядъ, но правда и то, что бо́льшая часть романовъ многимъ, а особливо молодымъ людямъ вредна хотя тѣмъ только, что напоясь они сею сладостію, чувствуютъ уже отвращеніе отъ здоровыя и больше имъ приличной пищи, равно и тѣмъ, что представляя себѣ примѣры вымышленныхъ лицъ, счастья своего ожидаютъ отъ случайныхъ приключеній, котораго они отъ добраго поведенія и трудолюбія своего ожидать бы должны были»[1]). Подобное же двойное отношеніе къ роману мы не разъ встрѣтимъ въ отзывахъ читателей XVIII в. о романѣ. «При чтеніи романовъ,— читаемъ въ «Иппокренѣ»,— наша чувствительность возбуждается до весьма высокой степени, хотя намъ и невозможно употребить ее въ пользу чрезъ какое-нибудь добродѣтельное дѣло, и сіи душевныя движенія, которыхъ мы, можетъ быть, никогда не испытаемъ въ такой силѣ, истощеваются безъ всякой дѣйствительной пользы»[2]). «Молодые люди, начитавшись романовъ, нерѣдко получаютъ нѣкоторое равнодушіе, которое бы доставили имъ опыты въ свѣтѣ, но которые не имѣютъ хорошихъ сторонъ сей самой опытности»[3])—оттого «часто молодая дѣвица, проводя цѣлую ночь въ чтеніи и оплакиваніи Шарлоты или Юліи, не трогается положеніемъ ея ближней сосѣдки, которая придетъ изобразить ей простымъ языкомъ, съ непріятнымъ тономъ, что она не имѣетъ куска хлѣба дать своимъ дѣтямъ. Мы такъ хорошо знакомимся съ большими несчастіями, что не достаетъ у насъ чувствительности для несчастій обыкновенныхъ». Впрочемъ авторъ не можетъ не признать, что романы «пріучаютъ къ нѣкоторой изящности нравовъ, къ нѣкоторой нѣжности чувствованій, которыхъ мы, дѣйствительно, не находимъ въ настоящей бѣдности»[4]). Еще строже отнесся къ рома-

1) «Спб. Вѣстникъ» 1778, I, 318.
2) «Иппокрена», 389—90.
3) Тамъ-же, 390—1.
4) Тамъ-же, 391—2.

намъ Сумароковъ: «пользы отъ нихъ мало, а вреда много. Говорятъ о нихъ, что они умѣряютъ скуку и сокращаютъ время, т. е. вѣкъ нашъ, который и безъ того кратокъ»...; говорятъ, что они «служатъ къ утѣшенію неученнымъ людямъ для того, что другія книги имъ непонятны» — съ высоты своего парнасскаго величія Сумароковъ, творецъ трагедій и комедій, законныхъ дѣтей поэзіи, къ роману относится съ полнымъ презрѣніемъ, — оговорку онъ дѣлаетъ только въ пользу «хорошихъ» романовъ[1]), хотя и здѣсь прибавляетъ: «хорошіе романы, хотя и содержатъ нѣчто достойное въ себѣ, однако изъ романовъ въ пудъ вѣсомъ, спирту одного пуда не выйдетъ». Эта оговорка о «хорошихъ» романахъ приводитъ насъ къ общему мнѣнію XVIII в., что есть «худые» романы и «хорошіе» — о послѣднихъ мы не услышимъ ни одного укоряющаго слова. «Извѣстно, что остроумный романъ, произведенный искусстнымъ перомъ господъ Прево, Мармонтеля, Фильдинга, Лесажа или Арнода конечно болѣе удобенъ наставить и увеселить читателя, нежели цѣлый шкапъ огромныхъ томовъ, заключающихъ въ себѣ сухія и строгія наставленія», — говоритъ одинъ изъ критиковъ XVIII в., — вотъ почему онъ, въ заключеніе, выразилъ пожеланіе видѣть побольше переводовъ на русскій языкъ книгъ, достойныхъ вниманія, «чтобы мы могли прочесть на природномъ нашемъ языкѣ élève de la nature, l'an deux mille quatre cent quarante, tableau de la vie, донъ Кишота и неистоваго Роланда, дабы забыть Совѣстдрала, повѣсть о бѣлой кошкѣ, Э** и другихъ подобныхъ онымъ сочиненій, обременяющихъ лавки нашихъ книгопродавцевъ»[2]). «Не буду я удивляться, — замѣчаетъ другой писатель, — есть ли и одна книга, есть ли и Клариса и Грандиссонъ примѣчательному читателю болѣе изрядныхъ и благородныхъ вольетъ чувствованій, нежели полная библіотека нраво-

---

1) «Я исключаю Телемака, Донъ-Кишота и еще самое малое число достойныхъ Романовъ». («Трудолюб. Пчела», 1759, № 6, 374).
2) «Утра», 1782, 60.

учительныхъ сочиненій принесетъ пользы ученому, въ томъ единственно намѣреніи читающему, чтобы только читать и говорить о томъ и блистать прочтеніемъ многихъ книгъ... Итакъ, вѣрно, что короткое знакомство съ произведеніями краснорѣчія и стихотворства, а особливо для сердца писанными и показывающими добродѣтель въ любезнѣйшемъ ея видѣ или порокъ съ гнуснѣйшей стороны представляющими, не только содѣлаетъ чувствительнымъ сердце и несовершенно наукамъ посвятившееся, но и примѣчающимъ за самимъ собою и своими погрѣшностями. Итакъ, добрые и злые характеры въ героической поэмѣ, трагедіи, комедіи и романѣ и такъ называемыя басни и сказки, не заимствуя вида учительскаго, научатъ лучше, нежели Краттиппъ и Канторъ и оставятъ по себѣ тѣмъ яснѣйшіе и неизгладимые слѣды, чѣмъ больше они въ чтеніи восхищаютъ»[1]). «Предавшись впечатлѣніямъ, которыя производятъ въ насъ лица и приключенія какого-нибудь романа, — читаемъ въ «Аврорѣ» — мы бываемъ объяты, увлечены любовію или отвращеніемъ, удивленіемъ или презрѣніемъ, радостью или сожалѣніемъ, страхомъ или ожиданіемъ. Но всѣ сіи чувствованія суть ничто иное, какъ пути, по которымъ истина входитъ въ наше сердце какъ узы, укрѣпляющія ее въ ономъ»[2]). Немудрено, что при подобномъ отношеніи къ роману — чтеніе его, какъ могущественное воспитательное средство вошло въ программу воспитанія юношества: «мы предложимъ чтеніе романовъ для обоихъ (обоего пола ?) дѣтей, достигшихъ такихъ лѣтъ, кои назначены для слушанья нравственныхъ разговоровъ» [3]). «Польза, каковую-бъ произвело это чтеніе, извѣстны всѣмъ тѣмъ, кои знаютъ, колико сила нравственныхъ чувствованій должна имѣть вліянія надъ образованіемъ характера и на открытіе страстей»[4]). За то мы

1) «Моск. Ежем. Изд.», 1781, II, 307—8.

2) «Аврора», 162.

3) «О воспитаніи военномъ относительно благороднаго юношества». «Спб. Журналъ», 1798, III, 96, 97.

4) Тамъ-же, 101.

услышимъ не мало и нападеній на романы, особенно на романы «любовные» — они, оказывается, «возбуждаютъ страсть сію и рѣдко не производятъ той любви, какую описываетъ Рошефукольтъ. Знатнѣйшія изъ сихъ соблазнительныхъ книгъ суть старые романы и ихъ еще худшіе потомки, нынѣшнія повѣсти». Романы, говорится далѣе, «не научить, но развратить и въ разныя бѣдствія ихъ (молодыхъ людей) ввергнуть могутъ... Хотя романы и повѣсти трогаютъ одинакимъ образомъ, однако же дѣйствія ихъ различны. Читатель романовъ дѣлается нѣжнымъ любовникомъ и бываетъ въ самой вещи столь влюбленнымъ пастухомъ, что онъ въ состояніи повѣситься на ближайшей осинѣ и броситься въ первый попадшійся прудъ, если потеряетъ предметъ своихъ желаній. Молодой читатель повѣстей дѣлается болѣе свѣтскимъ человѣкомъ и есть ли онъ выигралъ благосклонность у своей повелительницы, то располагаетъ тысячу плановъ, какъ бы сдѣлать обладаніе ею надежнымъ и обмануть своихъ сродниковъ»[1]). Въ XVIII в. мы имѣемъ даже оригинальную повѣсть подъ названіемъ: «Опасность отъ чтенія романовъ», которая оканчивается восклицаніемъ: «О, милыя, любезныя женщины! вы, коихъ природа одарила чувствительнѣйшею душою! Остерегайтесь, какъ возможно отъ опаснаго чтенія романовъ, а особливо при тѣхъ,—кои начинаютъ уже вамъ нравиться!»[2]) Надо избѣгать чтенія романовъ «такихъ, которые содержатъ въ себѣ любовныя и непристойныя сказки; первыя изъ сихъ сердце, а послѣднія то есть романы удобно могутъ склонить къ разнымъ слабостямъ и хорошо воспитанныхъ людей. Дѣвицы особенно воздерживаться должны отъ безпрестаннаго чтенія»[3]).

Итакъ, общій выводъ изъ всѣхъ этихъ отзывовъ и мнѣній о романѣ тотъ, что романъ приноситъ и пользу, и вредъ, въ зависимости отъ того «хорошъ-ли» онъ или «дуренъ», а также въ зависимости отъ того, чего ищутъ въ романахъ читатели.

---

1) «Пок. Трудолюбецъ» 1784. II, стр. 154—155.
2) «Пр. и пол. препровожденіе времени» 1798, XVIII, 122.
3) «Пок. Трудол.», 1784, I, 9—10.

Мы видѣли уже, что къ «дурнымъ» романамъ отнесенъ «рукописный», «любовный», народная сказка; къ хорошимъ—романъ нравоучительный и, главнымъ образомъ, англійскій «семейный». «Желали-бы мы,—восклицаетъ одинъ изъ сотрудниковъ «С.-Петербургскаго Вѣстника»,—чтобы преимущественно переводимы были на нашъ языкъ больше хорошіе и полезные романы, сочиненія Рихардзона, Фильдинга, Голдсмитта и имъ подобныя— и чтобы писатели, имѣющіе знанія и дарованія.., оставляя всѣ *тысячу и одну* и проч. меньше исправнымъ переводчикамъ, взялись-бы за переводы больше обществу полезныхъ сочиненій»[1]. Мы могли бы значительно умножить рядъ восторженныхъ отзывовъ о Ричардсонѣ, Фильдингѣ, Стернѣ, Мармонтелѣ, но ограничимся нѣсколькими отрывками изъ цитованной уже нами выше статьи: «Благодареніе г. Фельдингу». «Правила твои,—восклицаетъ поклонникъ Фильдинга,—научаютъ меня, слогъ прельщаетъ, а нѣжность трогаетъ до слезъ. Ты представляешь добродѣтель въ столь прелестномъ и нѣжномъ видѣ, внушаешь къ ней толико почтенія, что невозможно не слѣдовать ей и не вѣрить, чтобъ она не обитала въ сердцѣ твоемъ...[2]) Сила и неподражаемое искусство пера твоего и правильность твоихъ положеній склоняютъ сердце мое ко всѣмъ тѣмъ, коимъ ты благопріятствуешь... Я былъ бы холоденъ ко всѣмъ твоимъ поученіямъ, ежели бы оныя соединены были со строгостью и пустосвятствомъ. Но какъ не любить тебя, когда ты, входя въ сокровеннѣйшія мѣста моего сердца и разсматривая тончайшія пружины онаго, выводишь причину моихъ заблужденій такъ, что я безъ помощи твоей никогда бы объ ней и не подумалъ... Великій мужъ пріими жертву благодарности и любви, кои ты возжегъ въ сердцѣ моемъ; я почувствовалъ всю важность, силу и пріятность твоихъ сочиненій и мои пороки»...[3]) Подобныя же чувства

1) «Спб. Вѣстникъ», 319.
2) «Зеркало Свѣта», 1786, II, 229.
3) Тамъ-же, 230—231.

переживались многими читателями XVIII в. и, что любопытнѣе всего, главнымъ образомъ, поклонниками англійскаго романа[1]). Авантюрные романы находили во многихъ рѣшительныхъ противниковъ; мы слышимъ, напримѣръ, упрекъ тѣмъ романистамъ, которые «гораздо мучатъ» читателя, «подбирая цѣлыя кучи злополучныхъ происшествій и горестныхъ приключеній»[2]). Позднѣе, въ 1809 году мы читаемъ слѣдующія характерныя строки: «многіе писатели романовъ ошибаются, думая, что всего надежнѣе могутъ они достигнуть цѣли своей, если будутъ содержать любопытство читателей въ безпрерывномъ напряженіи, перемѣняя часто сцены, представляя множество чрезвычайныхъ, чудесныхъ приключеній. Только тѣ романы производятъ подлинный прочный интересъ, въ которыхъ внѣшнія происшествія и перемѣняющіяся приключенія суть не что иное, какъ средства, имѣющія одну общую цѣль: обнаружить, изобразить *внутренняго человѣка*»[3]).

Всѣ эти образчики мнѣній XVIII вѣка о романѣ даютъ намъ ясное понятіе о той эволюціи вкуса, которая за 100 лѣтъ привела передового читателя XVIII в. отъ рукописнаго авантюрнаго романа къ психологическому, которая свела этотъ рукописный романъ въ лубочныя народныя изданія, а изъ психологическаго въ теченіе слѣдующаго XIX столѣтія создала образцовыя произведенія, украшающія уже не одну русскую, но всю міровую литературу.

Мемуары XVIII вѣка дадутъ намъ еще цѣлый рядъ основаній утверждать, что романы были настоящей культурной силой въ жизни русскихъ людей XVIII в.[4]); читателей увлекали они сво-

1) Впрочемъ, романъ англійскій конца вѣка, романъ во вкусѣ Радклифъ, тоже не одобрялся строгими литературными судьями («Иппокрена», 1799, ч. I, 378).

2) «Иппокрена», 1799, I, 369.

3) «Аврора», 158.

4) Напр., см. записки Болотова, I, 108, 181—2, 369, 321 — 2, 327, III, 942; И. Дмитріева, 4, 5; М. Дмитріева, 48—9, 47; С. Глинки, 12, 52—8; Греча, 135; В. Панаева, «В. Евр.», 1867, № 9, 218, 222; Вигеля, I, 167; Макарова, «Мои

имъ «интересными» содержаніемъ, а потому будучи болѣе доступны массѣ, чѣмъ, напримѣръ, лирическія произведенія, на цѣлые дни и ночи приковывали къ себѣ вниманіе любителей этого чтенія [1]), перѣдко выманивая у нихъ послѣднія деньги [2]). Но за то эти романы заставили полюбить «книгу» [3]): начавъ съ нихъ русскій чтецъ XVIII в. переходилъ къ сочиненіямъ историческимъ, нравоучительнымъ, научнымъ [4]), кто же оставался навсегда при романахъ, все-таки былъ благодаренъ имъ за то расширеніе нравственнаго кругозора, которое было принесено этимъ чтеніемъ.

«Кто плѣняется Никаноромъ, злощастнымъ дворяниномъ,— говоритъ Карамзинъ,—тотъ на лѣстницѣ умственнаго образованія стоитъ еще ниже его Автора, и хорошо дѣлаетъ, что чи-

70-лѣтнія воспоминанія», I, 14—15, II, 98; Второва («Отецъ и сынъ»), «Р. Вѣстн.», 1875, № 4, 538—9. О значеніи романа въ русской жизни XVIII в. см. статью Ключевскаго: «Воспоминанія о Новиковѣ»; («Р. Мысль», 1895, № 1, 40—1), Бѣлозерской: «Вліяніе переводнаго романа и западной цивилизаціи на русское общество XVIII в.», («Р. Стар.», 1895, № 1), Щепкиной: «Популярная литература въ серединѣ XVIII в.» («Ж. М. Н. Пр.» 1886, № 4); ея-же: «Старинные помѣщики на службѣ и дома. Изъ семейной хроники» (1578—1762 г.), Спб. 1890, стр. 177 и дальше; см. также наше изслѣдованіе: «Н. М. Карамзинъ, авторъ Писемъ русскаго путешественника», стр. 7—10.

1) Напр., см. Карамзина, Соч., III, 253—4; «Отецъ и сынъ», «Р. Вѣстн.», 1875, № 4, 535; зап. С. Глинки, 70 и др.

2) Напр., см. «Отецъ и сынъ», «Р. Вѣстн.», 1875, № 4, 520, 521.

3) «Отецъ и сынъ», «Р. Вѣстн.». 1875, № 4, 500, 542, № 7, 102, № 8, 595, 559—560; Болотова Зап., I, 350; II, 354; 67—8, 72; 388, 409; III, 1020, 932; М. Дмитріева, 98—9; И. Дмитріева, 11, и др.

4) См. Болотова, I, 863, II, 443, III, 101, 355, 932; IV, 265; «Отецъ и сынъ», «Р. В.», 1875, № 4, 542. Приводимъ слѣдующія любопытныя строки, имѣющія автобіографическое значеніе, изъ рукописи А. Т. Болотова: «Забавы живущаго въ деревнѣ», (Отч. Имп. П. Б. 1892, стр. 128). «Клеонъ, будучи еще въ младенчествѣ не все время свое на игрушки употреблялъ. Онъ былъ охотникъ до сказокъ и съ великою радостью оныя слушивалъ. Сіе было причиною, что онъ, научившись потомъ грамотѣ и разныя скорописныя исторійки не только читывалъ, но по временамъ и писывалъ ихъ для себя» (л. 67). Въ пансіонѣ «попался ему Телемакъ въ руки. Сія книга возбудила въ немъ охоту къ читанію. Онъ не могъ устать читая оную; и хотя онъ ее и для одного удовольствія читалъ, но, между тѣмъ, вкусъ къ сему роду книгъ не примѣтно въ немъ умножался». (Въ немъ развиваются любознательность, любовь къ книгѣ). Въ Кенигсбергѣ ...цѣлый годъ не переставая почти читалъ онъ книги. Были

таетъ сей романъ: ибо, безъ всякаго сомнѣнія, чему-нибудь научается въ мысляхъ или въ ихъ выраженіи»[1]).

Въ большинствѣ переводныхъ и оригинальныхъ романовъ читатели XVIII вѣка встрѣчали рѣшительное восхваленіе добродѣтели, неизбѣжное наказаніе порока, знакомились съ героями, страдающими, но вѣрными своимъ нехитрымъ идеаламъ: чистая любовь, благородство души, чувствительность сердца — вотъ черты любимыхъ героевъ въ этихъ произведеніяхъ. Конечно, многіе изъ романовъ XVIII в. только волновали фантазію, даже дѣйствовали раздражающимъ образомъ на чувствительность читателей[1]), но, несомнѣнно, такихъ романовъ было меньшинство: довольно взглянуть хотя бы на одни перечни романовъ XVIII в., чтобы убѣдиться въ томъ, что разныя подозрительныя «похожденія» гораздо рѣже тамъ встрѣчаются, чѣмъ произведенія съ «добродѣтельными» и «нещастными» героями. «Какіе романы болѣе всѣхъ нравятся?» — спрашиваетъ Карамзинъ — и самъ даетъ отвѣтъ: «обыкновенно чувствительные: слезы, проливаемыя читателями, текутъ всегда отъ любви къ добру и питаютъ ее. Нѣтъ, нѣтъ! дурные люди и романовъ не читаютъ!»[2]) Конечно, были и въ то время любители скабрезныхъ романовъ, но важно то, что въ русской провинціи XVIII в. оказываются библіотеки съ очень строгимъ выборомъ: «во всѣхъ романахъ», составлявшихъ библіотеку матери Карамзина, «герои и героини, не смотря на многочисленныя искушенія рока, остаются добродѣтельными: всѣ злодѣи описываются самыми черными красками»[3]). Такой подборъ только нравственныхъ романовъ — фактъ, въ нашихъ глазахъ, очень краснорѣчивый. Вотъ почему мы не разъ слышимъ

они все романы, ибо онъ, по обыкновенной склонности всякаго молодого человѣка къ увеселеніямъ, находилъ въ нихъ болѣе вкуса, нежели въ другихъ книгахъ и для того бралъ только одни романы. Они ему вреда не сдѣлали, но, напротивъ того пользу принесли» (л. 71). (Далѣе разсказывается о томъ, какъ онъ пристрастился къ философскимъ и нравоучительнымъ книгамъ и отсталъ отъ романа).

1) Карамзинъ, Соч. III, 593.

2) Тамъ же, 550.

3) Тамъ-же, 255.

отъ людей XVIII в. признанія, что они много обязаны именно романамъ за то нравственное воспитаніе, которое было получено ими отъ этого чтенія[1]).

Изъ всего вышесказаннаго видно, какое воспитательное и образовательное значеніе имѣлъ романъ для русскаго читателя XVIII в.: часто на романѣ онъ строилъ свое міровоззрѣніе, развивалъ свои политическія, нравственныя и философскія убѣжденія, романъ училъ его гуманнымъ, «нѣжнымъ» чувствамъ, училъ его даже модамъ, хорошимъ «манерамъ» и языку страсти. Все это говоритъ намъ о его важности и интересѣ статистическихъ наблюденій надъ его судьбой.

Колебанія въ общемъ числѣ романовъ[2]) почти совпадаютъ со всѣми измѣненіями, которымъ подвергались указанные нами выше ряды цифръ. Такъ, совершенною случайностью отличается число романовъ вплоть до царствованія Екатерины II.

Въ 1730-мъ году мы имѣемъ — 1 романъ; въ 1741—1; 1747—1; 1751—1; 1752—1; 1754—1; 1756—1.

Съ начала 60-хъ годовъ начинается ростъ романа, при чемъ не наблюдается уже такихъ значительныхъ пробѣловъ въ годахъ.

1760—4; 1761—7; 1762—7.

Во второй же годъ царствованія Екатерины это число утроится: 1763 — 22 романа. Съ этого года число романа идетъ, колеблясь, опять до 80-ыхъ годовъ.

1763—22; 1764—19; 1765—24; 1766—22; 1767—5; 1768—11; 1769—16; 1770—9; 1771—8; 1772—6; 1773—15; 1774—14;

---

1) Нпр., см. Карамзина, Соч. III, 265, 550. Записки И. Дмитріева, 5; М. Дмитріева, 47, 48—9; у Болотова часто.

2) См. Приложенія—*Линія C* на сравнительной и графической таблицахъ,

1775—14; 1776—6; 1777—14; 1778—15;
1779—27; 1780—40; 1781—39; 1782—41;
1783—25; 1784—15.

Здѣсь мы видимъ странныя паденія цифръ, но, оказывается, эти паденія чаще всего совпадаютъ съ нашими наблюденіями, сдѣланными выше надъ общимъ числомъ печатныхъ произведеній за тѣ же годы. (1766—22; 1767—5; 1775—14; 1776—6).

Съ 1785 года повторяется то же повышеніе до 1788 года и затѣмъ такое же паденіе, съ нѣкоторыми колебаніями, вплоть до 1797 года.

1784—15; 1785—28; 1786—29; 1787—47;
1788—88; 1789—71; 1790—53; 1791—59;
1792—45; 1793—69; 1794—54; 1795—43;
1796—36; 1797—22.

Затѣмъ послѣ этого тяжелаго года начинается прозябаніе романа:

1797—22; 1798—23; 1799—24; 1800—35.

Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что, вопреки исторіи общаго числа печатныхъ произведеній, равно какъ и исторіи числа беллетристическихъ сочиненій, передъ нами въ этихъ цифрахъ постепенный ростъ, — ясное доказательство того, что въ ряду другихъ литературныхъ родовъ романъ оказывается, даже въ это тяжелое время, однимъ изъ самыхъ жизнеспособныхъ.

Общее число романа[1])—1175 (17 изъ этого числа не отмѣчены хронологическими датами). Если изъ этого числа мы отбросимъ 336, число повторныхъ изданій, — мы получимъ 839, число, показывающее, сколько названій романовъ и повѣстей было въ обиходѣ въ XVIII в. у русской публики.

1) Въ этомъ «общемъ числѣ» за отдѣльную единицу считалось каждое изданіе. Такъ, книга, вышедшая, положимъ, въ 5 изданіяхъ, считалась 5 разъ.

Менѣе поучительны для насъ цифры, полученныя изъ наблюденія надъ судьбой «оригинальнаго» русскаго романа. Въ теченіе всего этого времени (съ 1725 — 1800 г.) едва ли можно указать на рядъ цифръ, въ которомъ наблюдалась бы какая-нибудь закономѣрность. Впрочемъ, несомнѣнно одно, — съ 80-хъ годовъ оригинальный романъ[1]) дѣлается явленіемъ настолько постояннымъ, что уже большихъ колебаній въ его судьбѣ за это время не наблюдается. Интересно, что 1797 г. все-таки далъ меньшую цифру.

Первые два оригинальные романа появляются въ 1763 году, затѣмъ до 80-ыхъ годовъ мы имѣемъ рядъ очень неравныхъ цифръ, съ большими пробѣлами въ годахъ.

1763—2; 1764—1; 1766—1; 1768—1; 1769—2 (1 ?); 1770—2; 1772—1 (?); 1773—1; 1775—2; 1778—2; 1779—8; 1780—3; 1781—4; 1782—6; 1783—1; 1784—1; 1785—2; 1786—7 (1 ?).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что первые оригинальные русскіе романы принадлежатъ первымъ годамъ царствованія Екатерины. Расцвѣтъ русской литературы 80-хъ годовъ отразился на судьбѣ русскаго романа слѣдующимъ образомъ:

1786—7 (1 ?); 1787—5 (1 ?); 1788—11 (1 ?); 1789—9; 1790—14; 1791—6; 1792—6; 1793—11 (2 ?); 1794—7; 1795—5; 1796—7; 1797—4; 1798—8; 1799—6; 1800—8.

То обстоятельство, что цифры 1798, 1800 гг. довольно прочно стоятъ во время паденія общаго числа печатныхъ сочиненій и числа беллетристическихъ произведеній, позволяетъ думать, что на порогѣ XIX столѣтія русскій романъ сталъ довольно прочно.

---

1) См. Приложенія—Линія Е.

Общее число оригинальныхъ русскихъ романовъ—159 (изъ этого числа 5 безъ обозначенія даты), т. е. почти 13,5% общаго числа романовъ. Если мы изъ этого числа отбросимъ 55, число повторныхъ изданій, то окажется, что за 100 лѣтъ (1700—1800 г.) было сочинено у насъ 104 романа.

Число переводныхъ романовъ за XVIII вѣкъ есть 1016 (т. е. 1175 безъ 159), или 86,4% общаго числа романовъ и 28,3% числа всѣхъ беллетристическихъ произведеній.

Если всѣ эти цифры и указываютъ на то видное мѣсто, которое занималъ въ литературѣ XVIII в. романъ, переводный и оригинальный, то значеніе его еще болѣе возрастетъ, когда мы примемъ въ соображеніе, что:

1) по размѣрамъ своимъ романъ (часто многотомный) и повѣсть были самыми крупными произведеніями XVIII вѣка,—слѣдовательно, романъ, уступающій иногда въ числѣ названій другимъ литературнымъ родамъ, по количеству матеріала чтенія значительно превышалъ ихъ.

2) Среди беллетристическихъ произведеній читаемыми книгами были только романы и повѣсти, отчасти, можетъ быть, драмы, — слѣдовательно, отпадаетъ огромное число одъ, стиховъ, и значеніе романа въ ряду беллетристическихъ произведеній выигрываетъ.

3) Для удобства счета мы подъ одинъ годъ (годъ 1-ой части) ставили такіе романы, которые иногда выходили частями въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ,—слѣдовательно, можно было бы значительно увеличить число романовъ, если бы разнести всѣ эти отдѣльныя части по тѣмъ годамъ, когда онѣ выходили.

4) Въ отдѣльную группу мы выдѣлили переводныя *собранія повѣстей и романовъ* и въ общій счетъ романа ихъ не ввели въ виду трудности наблюденія надъ этимъ матеріаломъ.

5) Изъ «сомнительныхъ» сочиненій, т. е. такихъ, заглавіе которыхъ не позволяло рѣшительно отнести ихъ къ роману,

отброшено нами значительное число тѣхъ, которыхъ мы не нашли въ петербургскихъ книгохранилищахъ, между тѣмъ въ этомъ числѣ могли быть и романы.

6) Значеніе романа, какъ культурной силы, должно быть увеличено и потому, что, раньше переводнаго романа и рядомъ съ нимъ, мы имѣли романъ на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ. Пока нѣтъ возможности сдѣлать надъ этимъ непереведеннымъ романомъ статистическихъ наблюденій, но a priori можно сказать, что число его превышало число переведенныхъ и оригинальныхъ русскихъ романовъ.

7) Романъ XVIII в. пережилъ всѣ роды и на книжномъ рынкѣ дожилъ до 20-хъ годовъ XIX столѣтія и далѣе,—ясное доказательство его популярности.

8) Изъ всѣхъ литературныхъ родовъ — почти исключительно одинъ «романъ» выдерживаетъ по нѣскольку изданій, — еще подтвержденіе его особенной популярности.

9) Если въ нашемъ спискѣ отношеніе числа всѣхъ романовъ къ общему числу всѣхъ сочиненій есть 13,12%, то на книжномъ рынкѣ процентъ этотъ почти удвоивается: здѣсь романъ занимаетъ такое видное мѣсто, что отношеніе его къ другимъ произведеніямъ колеблется между 20%—25%, т. е. составляетъ почти $^1/_4$ всего числа сочиненій[1]. Это самое яркое доказательство популярности рода.

Всѣ эти соображенія, вмѣстѣ взятыя, позволяютъ утверждать, что *въ XVIII вѣкѣ романъ былъ главнѣйшимъ литературнымъ родомъ*, наиболѣе любимымъ и самымъ популярнымъ.

---

1) Возьмемъ, для примѣра, каталоги книжныхъ магазиновъ за разные годы. Напр., «Реестръ росс. книгъ, прод. въ книжн. лавкѣ при Моск. У-тѣ 1768 г.» изъ 168 книгъ — 86 романовъ; «Роспись книгъ, прод. въ книжной лавкѣ Миллера» (1776)—изъ 438 книгъ—96 ром.; «Роспись книгамъ, прод. въ книжн. лавкѣ при Моск. У-тѣ» (1782) — изъ 576 книгъ — 135 ром.; «Роспись росс. книгамъ, которыя разыгрывались лоттереею въ М.». (1805); изъ 2612 книгъ —574 романа.

II.

Не менѣе поучительно бросить взглядъ на исторію нашей журналистики за XVIII в. Если книга не всегда является отвѣтомъ на запросы общества, то журналъ, по самому существу своему, есть порожденіе самого общества, — и исторія нашихъ повременныхъ изданій даетъ краснорѣчивую иллюстрацію развитія русскаго общества, причемъ вполнѣ подтвердитъ тѣ выводы, какіе сдѣланы нами изъ наблюденій надъ исторіей русской книги.

Мы видимъ, какъ русская журналистика, начатая нѣкогда для немногихъ небольшимъ кружкомъ академиковъ, завоевываетъ интересы всего русскаго общества, захватывая сперва небольшіе литературные салоны, кружки, наконецъ, ко второй половинѣ вѣка, пробуждаетъ интересъ въ самомъ широкомъ кругѣ читателей отъ аристократа до мѣщанина, жившаго раньше одною рукописной литературой.

Для насъ поучительна эта картина, такъ какъ она повторяетъ, въ сущности, жизнь всѣхъ литературныхъ родовъ XVIII вѣка. Возьмемъ, хотя бы, лирику. Переходя отъ школьныхъ виршъ къ похвальнымъ одамъ академическаго характера, писаннымъ опять «для немногихъ», лирика все-таки захватываетъ болѣе широкій кругъ читателей, знающихъ цѣну эстетическимъ впечатлѣніямъ, — къ концу-же вѣка, у Карамзина и его учениковъ, лирика совершенно отрѣшается отъ какихъ бы то ни было условныхъ рамокъ формы и содержанія, нарушаетъ всѣ правила поэтики классицизма ради свободы чувства, ради возможности откликнуться на всѣ впечатлѣнія души и сердца, хотя бы они и не были предусмотрѣны въ строго-составленномъ кодексѣ классицизма. Возьмемъ ли мы журнальный романъ, мы увидимъ то же явленіе: романъ, незаконное дитя, съ точки зрѣнія французской поэтики XVII в., съ самаго появленія своего у насъ, благодаря своей безправности, былъ осужденъ идти самостоятель-

нымъ путемъ. Журналистика можетъ ясно обозначить ходъ развитія этого рода. Сначала и романъ, и повѣсть появляются въ роли чисто служебной, — это лишь самое легкое и пріятное средство проводить въ жизнь нравственныя, политическія и философскія вѣрованія времени. Мало-по-малу, на нашихъ глазахъ, романъ освобождается отъ этой чуждой ему по существу роли проповѣдника, обособляется отъ морали, и къ концу вѣка является главнымъ родомъ чисто-литературнаго творчества, съ явной тенденціей изображать дѣйствительную жизнь. Обратимся ли мы къ исторіи театра, насколько она выразилась въ журналѣ, — мы увидимъ совершенно аналогичную исторію, отъ творчества аристократическаго, кружковаго, театръ къ концу вѣка освобождается отъ путъ академическаго классицизма и, обогатясь новымъ родомъ — драмой, дѣлается изображеніемъ будничной жизни, съ ея дѣйствительными радостями и слезами.

Такъ перемѣнилось за сто лѣтъ содержаніе русской журналистики. Для историка русской литературы изученіе ея особенно любопытно: на ней всего легче можно прослѣдить судьбу всей литературы XVIII вѣка, этого чуднаго вѣка реформъ, преобразованій, борьбы и сліянія чужого со своимъ роднымъ, русскимъ... Исторія журналистики XVIII в. поможетъ намъ услѣдить за той эволюціей, которая великое дѣло отдѣльныхъ личностей сдѣлала дѣломъ самого общества, которая пробудила общественную жизнь, направила вкусы общества на дорогу, создавшую ему міровую славу въ XIX вѣкѣ.

Имена, которыми обозначены этапы этого развитія—академикъ Миллеръ, императрица Екатерина, Новиковъ и Карамзинъ. Основное стремленіе всей журналистики (какъ и вообще литературы XVIII в.), стремленіе, сначала неясное, безсознательное, — выдвинуть на первый планъ литературный элементъ, освободиться отъ постороннихъ «учительныхъ» цѣлей, съ которыми была она перенесена къ намъ съ запада. И, дѣйствительно, «прислужница морали», изящная литература къ концу вѣка дѣлается у Карамзина и его послѣдователей силой самодовлѣющей,

независимой отъ морали, политики, философіи. У нея свои законы и цѣли, свое отношеніе къ жизни.

На первыхъ порахъ идеи русской журналистики не были совсѣмъ связаны съ интересами русской жизни. Петръ Великій позаботился лишь о внѣшнемъ лоскѣ своихъ доморощенныхъ европейцевъ, — мораль его, повидимому, вовсе не интересовала; но явились къ намъ «нѣмцы», полированные и снаружи, и внутри, и вмѣстѣ съ разными другими «заморскими штуками», занесли къ намъ «мораль» и стали учить своихъ русскихъ учениковъ «англо-нѣмецкой добродѣтели». Вѣроятно, этотъ экзотическій цвѣтокъ, поднесенный въ первыхъ академическихъ журналахъ, въ свое время былъ доступенъ лишь для «избранныхъ» и на первыхъ порахъ служилъ утѣшеніемъ только кружка самихъ академиковъ, но затѣмъ онъ пришелся по вкусу и большому кругу читателей, — со стороны ихъ направились въ редакцію запросы. Редакція первыхъ журналовъ охотно шла сама на встрѣчу имъ, — и вотъ, въ теченіе чуть ли не всего вѣка, начинается толкованіе русскому обществу, что такое добро и зло, что такое истинное благородство души, великодушіе, дружба, честность... Мы читаемъ наивныя разсужденія на тему — «нужно ли любить порочныхъ», есть ли необходимость мстить врагамъ, какъ надо относиться къ друзьямъ. Все это обсуждалось исключительно съ «моральной» точки зрѣнія и въ свое время имѣло для русскаго общества большое значеніе: съ пробужденіемъ новыхъ общественныхъ интересовъ такая «мораль» была переходной ступенью къ самопознанію. Уже къ концу вѣка общество оказалось на такой степени развитія, что идеалы «книжные» сдѣлались для многихъ идеалами жизненными: въ лицѣ Карамзина, его современниковъ и учениковъ мы видимъ уже юношей-«die schöne Seele», воспитанниковъ морали XVIII в., съ яснымъ и твердымъ нравственнымъ міровоззрѣніемъ.

Цифры, въ которыхъ выразилось число журналовъ XVIII вѣка, менѣе поучительны, чѣмъ содержаніе этихъ журналовъ, — передъ нами рядъ колебаній, не всегда понятныхъ, но,

въ общихъ чертахъ, совпадающихъ съ той кривой, по которой шла за этотъ вѣкъ исторія русской книги вообще.

Прежде всего встрѣчаемъ длинный рядъ годовъ, вплоть до 50-хъ, повременныя изданія которыхъ выразились въ изданіи одной газеты[1]). За нѣкоторые годы спеціальныя научныя изданія Академіи увеличили эту единицу до двухъ. Съ 50-хъ годовъ начинается дѣятельность Миллера и число повременныхъ изданій возростаетъ[2]).

1755—2; 1756—3; 1757—3; 1758—4; 1759—6; 1760—6; 1761—5.

Съ восшествіемъ на престолъ Екатерины число это начинаетъ постепенно падать.

1762—5; 1763—5; 1764—4; 1765—3; 1766—3; 1767—4; 1768—3.

Наступаетъ 1769-й годъ — новая эпоха въ исторіи русскаго журнала. Екатерина сама беретъ его въ руки, издаетъ «Всякую Всячину», — и число журналовъ возрастаетъ до 12. Правда, это число вскорѣ падаетъ:

1769—12; 1770—8; 1771—6; 1772—6.

Но затѣмъ начинается опять повышеніе вплоть до 80-хъ годовъ.

1773—9; 1774—8; 1775—9; 1776—6; 1777—4; 1778—8; 1779—9; 1780—10; 1781—9.

Съ этихъ годовъ начинается новая эпоха въ исторіи русской журналистики: сатирическіе журналы, — созданіе Екатерины, —

---

1) См. Приложенія — *Линія G*.

2) При подсчетѣ повременныхъ изданій XVIII в. мы пользовались цѣнными работами г. Неустроева: «Историческое разысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ» — и г. Лисовскаго: «Русская періодическая печать». Въ подсчетъ нашъ мы ввели «повторныя» изданія, отчего число журналовъ по годамъ у насъ иногда превышаетъ число ихъ у г. Лисовскаго.

начинають уступать мѣсто журналамъ, хотя и моральнымъ, но все же болѣе литературнымъ. Въ центрѣ этого движенія стоитъ Новиковъ, дѣятельность котораго особенно была плодотворна какъ разъ въ слѣдующіе годы:

1782—11; 1783—9; 1784—10; 1785—10; 1786—16; 1787—18; 1788—19.

Опять передъ нами 1788-й годъ, — кульминаціонная точка всей русской литературы XVIII вѣка! И опять то же паденіе послѣ этого года, паденіе, правда, не такое рѣзкое, какъ то, какое наблюдалось въ исторіи русской книги.

1788—19; 1789—17; 1790—13.

Съ 90-хъ годовъ начинается эпоха Карамзина, эпоха въ историческомъ отношеніи очень неблагопріятная, такъ какъ совпала съ періодомъ реакціи въ политикѣ Екатерины II.

1790—13; 1791—17; 1792—17; 1793—16; 1794—14; 1795—16; 1796—11; 1797—5.

Опять роковой 1797-ой годъ, понизившій журнальную жизнь до той ничтожной цифры, съ которой, можно сказать, началась исторія нашего журнала.

Царствованіе имп. Павла нѣсколько подняло число русскаго журнала. Мы выше говорили уже, что, вѣроятно, это объясняется преслѣдованіемъ западно-европейскихъ произведеній, — печальное обстоятельство, послужившее русской книгѣ:

1797—5; 1798—10; 1799—8; 1800—8.

Общее число «названій» повременныхъ изданій за изучаемый нами періодъ — 119; если же принять въ соображеніе, что нѣкоторыя изданія тянулись въ теченіе многихъ лѣтъ, то, разнося ихъ по годамъ (т. е. считая каждый годъ и изданія за отдѣльную единицу), получимъ число 440—общее число повременныхъ изданій, находившихся въ рукахъ читателя XVIII вѣка.

Если прослѣдить по цифрамъ исторію «беллетристическихъ»

журналовъ [1]), мы увидимъ явленія почти параллельныя тѣмъ, какія только-что отмѣтили въ жизни общаго числа повременныхъ изданій.

Начинается «беллетристическій» [2]) журналъ съ 1755 г.; подобно книгѣ, онъ растетъ къ концу 50-хъ годовъ:

1755—1; 1756—1; 1757—1; 1758—2; 1759—4; 1760—4.

Вступленіе на престолъ Екатерины вызываетъ паденіе:

1761—3; 1762—3; 1763—3; 1764—2,

которое въ 1765, 1766, 1767 и 1768 гг. ведетъ къ полному его уничтоженію.

За то 1769 годъ сразу даетъ 10 журналовъ, цифра очевидно, случайная, такъ какъ долго она не держится: съ того же 1769 года начинается паденіе:

1769—10; 1770—5; 1771—3; 1772—3; 1773—5; 1774—2; 1775—3; 1776—2; 1777—1.

Затѣмъ опять идетъ повышеніе, которое достигаетъ бо́льшей высоты къ 80-мъ годамъ.

1778—3; 1779—5; 1780—6; 1781—5.

Эпоха Новикова и его сподвижниковъ выразилась въ слѣдующихъ цифрахъ:

1782—6; 1783—4; 1784—4; 1785—5; 1786—9; 1787—9; 1788—8; 1789—9; 1790—4.

Эпоха Карамзина выразилась въ болѣе скромныхъ цифрахъ [2]):

1791—8; 1792—9; 1793—8.

---

1) См. Приложенія — *Линія Н.*

2) Вліяніе карамзинскаго журнала особенно сказалось на журналистикѣ начала XIX в.: почти всѣ журналы допушкинской эпохи сохранили типъ и тонъ «Московскаго Журнала» и «Вѣстника Европы».

Причина этого, конечно, въ историческихъ условіяхъ конца царствованія Екатерины. За 1793 г. наступаетъ пониженіе, наблюдаемое нами и раньше:

1794—7; 1795—7; 1796—5; 1797—2.

Послѣдніе годы вѣка выразились въ слѣдующихъ скромныхъ цифрахъ:

1797—2; 1798—4; 1799—4; 1800—3.

Общее число «названій» беллетристическихъ изданій — 82; если разнести по годамъ тѣ изданія, которыя существовали по нѣсколько лѣтъ и внести въ общій счетъ также повторенныя изданія, считая каждый годъ и каждое изданіе за единицу, мы получимъ число 192, показывающее общую сумму всѣхъ литературныхъ изданій за вѣкъ; отбросивъ «повторныя» изданія, получимъ число 165, «первыхъ» изданій по годамъ[1]).

Исторія романа и повѣсти, помѣщенныхъ въ журналахъ, не даетъ намъ точныхъ цифръ. Объясняется это тѣмъ, что съ нѣкоторыми изъ журналовъ мы не могли познакомиться, не найдя ихъ въ петербургскихъ книгохранилищахъ, или, найдя ихъ въ неисправномъ видѣ, а потому, вѣроятно, кое-что пропустили. Затѣмъ, при выборѣ произведеній, идущихъ въ нашъ подсчетъ, мы руководствовались очень строгими требованіями, желая по возможности ограничить свой матеріалъ, а потому отбросили такія произведенія, которыя для нашихъ критиковъ могутъ показаться подходящими[2]). Отбрасывая массу анекдотовъ и короткихъ повѣстушекъ-анекдотовъ, этимъ самымъ мы, конечно, сильно понизили число изучаемыхъ произведеній.

Не входя поэтому въ подробное разсмотрѣніе полученныхъ цифръ, не можемъ однако не отмѣтить, что бо́льшее число

1) См. Приложенія — *Линія I*.

2) Напр., многочисленныя короткія статьи сатирическихъ журналовъ почти не вошли въ нашъ подсчетъ,—такъ въ 10 сатирическихъ журналахъ мы отмѣтили лишь 12 повѣстей.

тѣхъ произведеній, которыя отвѣтили нашему пониманію романа, падаетъ на 90-е годы, т. е. на ту эпоху, которая была хотя сравнительно и не богата журналами, но отмѣчена нами выше, какъ «литературная» по преимуществу.

Съ перваго же года изданія «Московскаго Журнала» число повѣстей быстро растетъ:

1790—8; 1791—52; 1792—50; 1793—53; 1794—73; 1795—67; 1796—35; 1797—17; 1798—54; 1799—25; 1800—32.

Это перенесеніе литературнаго центра тяжести въ журналѣ на послѣдніе годы вѣка совпадаетъ съ паденіемъ романа, появлявшагося въ отдѣльномъ изданіи. Не есть ли это яркое доказательство того, что къ концу вѣка журналъ, приноровившійся къ нуждамъ и интересамъ русской публики, мало-по-малу оттѣснялъ отдѣльныя литературныя изданія?

Что же касается до характера журнальныхъ повѣстей, то онъ обрисовывается очень опредѣленно: сначала передъ нами нравоучительныя исторіи, анекдоты, служащіе собственно иллюстраціей для доказательства какого-нибудь моральнаго изреченія, рядомъ съ ними идетъ восточная и аллегорическая сказка, затѣмъ замѣтно выдвигается англійская повѣсть, вытѣсняетъ старые роды и вызываетъ русскія подражанія. Въ концѣ XVIII в. въ журналахъ встрѣчаемъ уже цѣлый рядъ русскихъ оригинальныхъ произведеній, цѣпь которыхъ начинается съ 80-хъ годовъ, особенно усиливается къ 90-мъ и широкою волною вливается въ новое столѣтіе.

Выводы, къ которымъ приводитъ насъ настоящая замѣтка, таковы:

I. Царствованіе императрицы Екатерины II было въ жизни русской литературы той эпохой, съ которой начинается ея исторія, т. е. тотъ закономѣрный процессъ развитія, всѣ явленія котораго въ ясной причинной связи между собой и отнюдь не случайны и не разрозненны.

II. Восьмидесятые годы XVIII вѣка (1788 г.) въ исторіи русской литературы и журналистики были той эпохой, когда просвѣтительная дѣятельность Екатерины наиболѣе чувствительно сказалась на русскомъ обществѣ.

III. Реакція во взглядахъ Екатерины II, начавшаяся въ *80-хъ годахъ*, ясно отразилась на производительномъ творчествѣ русскаго общества въ началѣ *90-хъ годовъ*,—очевидно, русское общество, хотя оказалось и неспособнымъ къ борьбѣ съ правительственнымъ режимомъ, однако разошлось съ нимъ очень замѣтно въ настроеніяхъ,—ясное доказательство пробужденія самостоятельности.

IV. Конецъ царствованія Екатерины (1796 г.) — полное банкротство великолѣпнаго правленія Семирамиды Сѣвера, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, политики «просвѣщеннаго абсолютизма». Впрочемъ, русское общество и погнулось, но устояло и даже при Павлѣ немного оживилось — новое доказательство пробужденія самодѣятельности въ обществѣ, залогъ будущаго «самостоятельнаго» развитія.

V. Общее впечатлѣніе, полученное нами отъ статистическихъ наблюденій таково:

а) русское общество даже въ XVIII в. было очень жизнеспособнымъ,—оттого такъ быстръ подъемъ книги въ царствованіе Екатерины.

б) рядъ вѣчныхъ колебаній, повышеній и пониженій — результатъ политики «просвѣщеннаго абсолютизма», то ускорявшаго, то замедлявшаго поступательный ходъ естественнаго развитія общества.

в) передъ нами за 75 лѣтъ нарисована грустная картина одного изъ эпизодовъ русской цивилизаціи, — это энергичное стремленіе вверхъ, съ постоянными задержками и, наконецъ, такое же быстрое паденіе внизъ, не было ли однимъ изъ обычныхъ, характерныхъ явленій въ исторіи русской жизни?

Книга — чуткій барометръ настроеній общества, и, можетъ быть, подсчетъ ея въ XIX в. дастъ рядъ такихъ же краснорѣчивыхъ колебаній.

VI. Романъ, особенно «англійскій», — самый распространенный литературный родъ въ XVIII в.

VII. Въ лицѣ Карамзина и его единомышленниковъ русская журналистика пріобрѣтаетъ вполнѣ «литературный» характеръ, чуждый иныхъ тенденцій, кромѣ художественныхъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА КЪ СТАТИСТИЧЕСКИХЪ НАБЛЮДЕНІЯХЪ НАДЪ ИСТОРІЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВЪ XVIII В.

	1725	1725	1727	1728	1729	1730	1731	1732	1733	1734	2735	1736
A. Общее число сочиненій	13	5	5	11	5	7	9	6	17	21	17	14
B. Общее число беллетр. сочиненій	1	—	1	—	—	2	—	—	13	16	4	6
C. Общее число романовъ	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
D. Число романовъ, вышед. 1-мъ изданіемъ	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
E. Общее число оригин. романовъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
F. Число ориг. ром., вышед. 1-мъ изданіемъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
G. Общее число поврем. изданій	1	1	1	2	1	1	1	1	1	1	1	1
H. Общее число беллетр. журналовъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
I. Число беллетр. журн. вышед. 1-мъ изд.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
J. Общее число повѣстей въ повр. изд.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

	1737	1738	1739	1740	1741	1752	1743	1744	1745	1746	1747
A. Общее число сочиненій	12	9	21	14	8	22	12	24	20	10	11
B. Общее число беллетр. сочиненій	3	3	—	1	—	4	—	4	4	3	5
C. Общее число романовъ	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1
D. Число романовъ, выш. 1-мъ изд.	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1
E. Общее число оригин. романовъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
F. Число ориг. ром., выш. 1-мъ изд.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
G. Общее число поврем. изданій	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
H. Общее число беллетр. журналовъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
I. Число беллетр. журн. выш. 1-ымъ изд.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
J. Общее число повѣстей въ повр. изданіяхъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

	1748	1749	1750	1751	1752	1753	1754	1755	1756	1757	1758
A. Общее число сочиненій	16	15	11	19	10	9	11	15	20	25	21
B. Общее число беллетр. сочиненій	4	—	5	10	5	—	4	3	4	12	6
C. Общее число романовъ	—	—	—	1	1	—	1	—	1	—	—
D. Число романовъ, выш. 1-мъ изданіемъ	—	—	—	1	1	—	1	—	1	—	—
E. Общее число оригин. романовъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
F. Число ориг. ром., выш. 1-мъ изданіемъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
G. Общее число поврем. изданій	2	1	2	1	2	1	2	2	3	3	4
H. Общее число беллетр. журналовъ	—	—	—	—	—	—	—	1	1	1	2
I. Число беллетр. журн., выш. 1-мъ изд.	—	—	—	—	—	—	—	1	1	1	1
J. Общее число повѣстей въ повр. изд.	—	—	—	—	—	—	—	4	3	1	1

	1759	1760	1761	1762	1763	1764	1765	1766	1767	1768	1769
A. Общее число сочинений.	85	38	4	95	109	108	160	120	80	105	116
B. Общее число беллетр. сочинений.	14	11	19	43	55	52	48	40	24	34	50
C. Общее число романовъ.	—	4	7	7	22	19	24	22	5	11	16
D. Число романовъ выш. 1-мъ изд.	—	3	7	7	22	17	23	20	3	7	13
E. Общее число оригин. романовъ.	—	—	—	—	2	1	—	1	—	1	2(1?)
F. Число ориг. ром. выш. 1-мъ изд. . . .	—	—	—	—	2	1	—	1	—	1	2(1?)
G. Общее число поврем. изд.	6	6	5	5	5	4	3	3	4	3	12
H. Общее число беллетр. журн.	4	4	3	3	3	2	—	—	—	—	10
I. Число беллетр. журн., выш. 1-мъ изд. . . .	3	3	2	3	3	2	—	—	—	—	8
J. Общее число повѣстей въ повр. изд. . . .	21	27	4	7	12	12	—	—	—	—	12

	1770	1771	1772	1773	1774	1775	1776	1777	1778	1779	1780
A. Общее число сочиненій.	111	92	90	135	156	160	116	132	159	209	217
B. Общее число беллетр. сочиненій.	39	23	24	48	70	56	32	54	57	93	105
C. Общее число романовъ.	9	8	6	15	14	14	6	14	15	27	40
D. Число романовъ, выш. 1-мъ изд.	9	8	5	9	11	8	4	9	11	21	35
E. Общее число оригин. романовъ.	2	—	1?	1	—	2	—	—	2	8	3
F. Число ориг. ром., выш. 1-мъ изд. . . .	2	—	1?	1	—	2	—	—	1	7	1
G. Общее число поврем. изд.	8	6	6	9	8	9	6	4	8	9	10
H. Общее число беллетр. журн.	5	3	3	5	2	3	2	1	3	5	6
I. Число беллетр. журн., выш. 1-мъ изд. . .	4	1	3	4	2	2	2	1	3	4	5
J. Общее число повѣстей въ повр. изд.	5	2	10	3	—	—	—	3	20	34	24

	1781	1782	1783	1784	1785	1786	1787	1788	1789	1790	1791
A. Общее число сочиненій	208	194	198	203	183	271	387	432	339	263	321
B. Общее число беллетр. сочин.	102	89	79	56	66	112	163	248	148	125	147
C. Общее число романовъ	39	41	25	15	28	29	47	88	71	58	59
D. Число романовъ, выш. 1-мъ изд.	26	31	20	10	19	22	33	56	56	41	37
E. Общее число оригин. романовъ	4	6	1	1	2	7(1?)	5(1?)	11(1?)	9	14	6
F. Число ориг. ром., выш. 1-мъ изд.	—	5	1	—	1	6(1?)	4(1?)	8	7	11	4
G. Общее число поврем. изд.	9	11	9	10	10	16	18	19	17	18	17
H. Общее число беллетр. журн.	5	6	4	4	5	9	9	8	9	4	8
I. Число беллетр. журн. выш. 1-мъ изд.	4	5	4	4	4	9	8	5	8	4	8
J. Общее число повѣстей въ повр. изд.	19	48	14	21	15	29	23	18	35	8	52

	1792	1793	1794	1795	1796	1797	1798	1799	1800	б. озн. годи.	Итого.
A. Общее число сочиненій	326	315	275	257	256	165	239	268	238	553	8952
B. Общее число беллетр. сочиненій	141	150	122	107	100	56	92	96	86	192	3591
C. Общее число романовъ	45	69	54	43	36	22	23	24	35	17	1175
D. Число романовъ, выш. 1-мъ изд.	27	44	33	30	22	16	13	16	18	10	839
E. Общее число оригин. романовъ	6	11(2?)	7	5	7	4	8	6	8	5	159
F. Число ориг. ром., выш. 1-мъ изд.	3	5(2?)	4	2	5	2	4	6	6	3	104
G. Общее число поврем. изд.	17	16	14	16	11	5	10	8	8	—	440
H. Общее число беллетр. журн.	9	8	7	7	5	2	4	4	3	—	192
I. Число беллетр. журн. выш. 1-мъ изд.	8	7	7	6	4	2	4	3	2	—	165
J. Общее число повѣстей въ повр. изд.	50	53	73	67	35	17	54	25	32	—	—

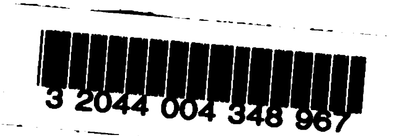
В. Сиповскій.

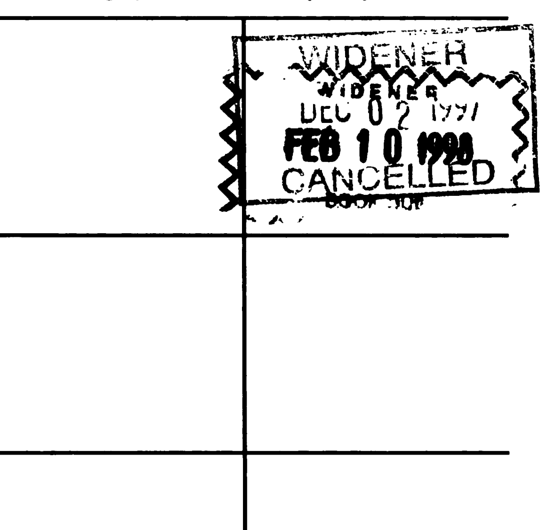
Приложеніе 2-ое. Графическая таблица къ статистическимъ наблюденіямъ надъ исторіею рус

кой литературы XVIII в.

Приложеніе 3-ье, Графическая таблица къ статистич. наблюд. надъ исторіею повременн. изданій XVIII в.

3 2044 004 348 967

WIDENER
WIDENER
DEC 0 2 1997
FEB 1 0 1998
CANCELLED

